ГДР - 25 ЛЕТ

ОГОНЁК

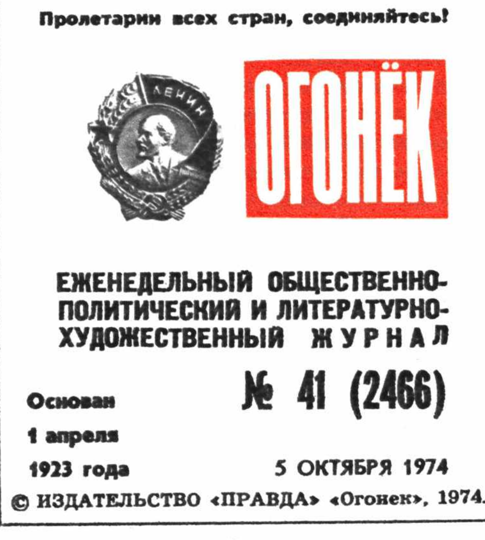
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 41 ОКТЯБРЬ 1974

Берлин. 12 мая 1973 года. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер.
Фото АДН — Центральбильд.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 41 (2466)

Основан 1 апреля 1923 года

5 ОКТЯБРЯ 1974

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» «Огонек», 1974.

«Крепкая дружба между народами СССР и ГДР — это великое завоевание наших партий, результат многолетних целеустремленных усилий коммунистов наших стран. Дружба — это душа нашего союза, сложившегося в совместной борьбе за торжество мира и социализма».

Л. И. БРЕЖНЕВ

◀ Берлин — столица ГДР.

В БРАТС СОЮ

Первый секретарь Центрального Комитета
Социалистической единой партии Германии
товарищ Эрих ХОНЕККЕР
отвечает на вопросы «Огонька»

Вопрос. Какими успехами в социалистическом строительстве отмечает население ГДР свой юбилей?

Ответ. За эти 25 лет в жизни нашего народа произошли наиболее глубокие перемены за всю его историю. Ныне Германская Демократическая Республика — окрепшее социалистическое государство, навсегда занявшее свое место в сплотившемся вокруг СССР содружестве братских стран. Двери в новую жизнь распахнули герои славной Советской Армии, победившие фашизм. С тех пор мы всегда идем по нашему социалистическому пути труда и борьбы в братском союзе с партией и страной Ленина. Благодаря чему мы добились больших успехов.

Под руководством рабочего класса и его партии был преодолен доставшийся в наследство от гитлеровского режима материальный и духовный хаос. В пламени борьбы с империалистическим врагом при деятельной поддержке Советского Союза и других братских стран в ходе единого революционного процесса удалось осуществить антифашистско-демократические преобразования и приступить к строительству социализма. Мы смогли взяться за создание развитого социалистического общества. Новые широкие перспективы в осуществлении этой задачи открыл VIII съезд СЕПГ.

В канун 25-й годовщины граждане ГДР преисполнены гордости за то, что наша страна входит в десятку наиболее развитых промышленных стран мира. В 1973 году национальный доход составил 126,7 миллиарда марок, а промышленная товарная продукция впервые превысила 200-миллиардный рубеж и достигла 207,8 миллиарда марок. После VIII съезда СЕПГ экономическое развитие характеризуется возросшей стабильностью и динамизмом.

В соответствии с основной задачей, выдвинутой нашим VIII съездом, результаты усилий трудящихся целеустремленно использовались для дальнейшего формирования социалистического образа жизни. Это помогло значительно ускорить последовательное решение таких важных социальных задач, как жилищное строительство, увеличение минимальных доходов, размеров пенсий и предоставление всевозможных льгот многодетным семьям, в особенности работающим матерям. Духовная и культурная жизнь в нашей республике также развивается успешно. Приведу лишь один пример: завершается переход на обязательное обучение всех детей в общеобразовательной политехнической школе-десятилетке. Сколько бы дел еще ни оставалось, баланс положительный.

ЭТО И НАШ ПРАЗДНИК

Дорогой товарищ Эрих Хонеккер!

Мы взялись за перо по велению самого прекрасного чувства — интернационального братства. Радости ГДР — это и наши радости. Праздник ГДР — это и наш праздник.

В Магнитогорске хорошо помнят, что в незабываемые тридцатые годы Вы, товарищ Хонеккер, выполняя свой интернациональный долг, строили Магнитку. Наши сталевары, доменщики, прокатчики знают, что Первый секретарь ЦК СЕПГ товарищ Эрих Хонеккер — почетный член семьи магнитогорских мастеров «огненного дела», ветеран комбината. Когда Вы впервые побывали на уральской земле, Вы видели лишь брезентовые палатки первопроходцев да ковыльную степь — стройка только-только начиналась. Несколько лет назад, в дни работы XXIV съезда КПСС, Вы вновь увидели Магнитку во всем ее мощном великолепии. Металлурги по-братски встречали Вас тогда в своем трудовом коллективе. Они вручили Вам знак ветерана труда нашего комбината и алое знамя и попросили сделать его переходящим красным знаменем лучшего коллектива металлургов ГДР. Мы рассказали Вам тогда о развернувшемся у нас социалистическом соревновании — быстрее одолеть очень важный для нас рубеж: 200 миллионов тонн стали. Магнитогорцы взяли этот рубеж. А недавно наш коллектив рапортовал Родине о новой победе: 250 миллионов тонн стали выплавлено со дня пуска первых агрегатов Магнитки! И еще 200 миллионов тонн чугуна, 200 миллионов тонн проката. ЦК КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравили коллектив комбината с этой замечательной трудовой победой.

Мы рассказываем Вам об этом, потому что знаем: всегда приятно слышать об успехах друзей. К тому же металл Магнитки — это весомый вклад в наше общее дело, в осуществление Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

Дружба наша крепка, проверена временем, трудными испытаниями. В основе ее — приверженность общим идеалам, единство взглядов наших народов, партий, государств.

Многотысячный коллектив трижды орденоносного Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина сердечно поздравляет Вас, всех наших друзей, единомышленников с предстоящим большим торжеством — 25-летием ГДР. Как и все советские люди, магнитогорцы гордятся великими свершениями первого социалистического государства на немецкой земле. Стало явью то, о чем мечтали, за что боролись пламенные революционеры Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Эрнст Тельман.

Четверть века народ ГДР под руководством партии твердо и уверенно идет по избранному им социалистическому пути. Мы гордимся успехами ГДР и во внутренней и во внешней политике, мы радуемся тому, как быстро растет международный авторитет республики.

Выступая на VIII съезде СЕПГ, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Укрепление международного авторитета и влияния вашей республики — это итог всего, что сделано трудящимися ГДР в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Можно с полным основанием сказать, что это результат совместной многолетней борьбы социалистических стран, результат нашей сплоченности в отстаивании дела мира и социализма».

Пусть же крепнет наша интернациональная сплоченность!

От души желаем трудящимся Германской Демократической Республики и Вам лично, дорогой товарищ Хонеккер, новых успехов в строительстве развитого социалистического общества.

По поручению коллектива Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина

директор комбината Д. П. ГАЛКИН; секретарь парткома П. С. ГРИЩЕНКО; председатель профкома В. М. АРХИПОВ; секретарь комитета ВЛКСМ Б. Д. МЫЛЬНИКОВ; ветераны комбината, Герои Социалистического Труда: А. Л. ШАТИЛИН, А. А. ЦЫБА, И. А. ДМИТРИЕВ, В. Н. КОТОВ, В. П. ЗУЕВ

КОМ
ЗЕ

Вопрос. Как укреплялся и развивался в последние годы братский союз наших стран?

Ответ. Братский союз с КПСС и СССР мы считаем фундаментом строительства счастливой мирной жизни нашего народа в условиях социализма. Эта общность продолжает совершенствоваться на каждой ступени общественного прогресса. Расширять и углублять это содружество — одна из основных задач нашей политики, утвержденной VIII съездом СЕПГ.

Дружба и сотрудничество с Советским Союзом оказывают влияние на мысли и чувства людей, определяют их поступки и лежат в основе всех успехов нашей республики в социалистическом строительстве. Будь то в области экономики, науки, культуры или защиты социализма — всюду наш союз приносит богатые плоды. Будущее в еще большей степени, чем прошлое и настоящее, будет характеризоваться планированием и выполнением всех важнейших мероприятий совместно с Советским Союзом и другими братскими странами.

Это относится, в частности, к обеспечению прочного мира, важнейшего условия дальнейшего социалистического строительства. Мы понимаем, какая ответственность при этом ложится на нас, и вносим свой активный вклад в осуществление разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира, ставшей программой действия всего социалистического содружества, «Magna Charta» миролюбивых народов.

Мне приятно, пользуясь этой возможностью, передать читателям «Огонька» и всем строителям коммунизма сердечный привет и искренние пожелания дальнейших больших успехов на историческом пути, намеченном XXIV съездом КПСС, пути, который советский народ прокладывает всему человечеству.

Искренне и сердечно благодарю коллектив Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина за это волнующее письмо, за высокую оценку Германской Демократической Республики и нашей партии, за проявление братских чувств к нашему народу.

Вместе с тем я хотел бы от всего сердца поздравить вас, дорогие друзья, с замечательными успехами, которых добился комбинат в ходе выполнения решений XXIV съезда КПСС на благо советского народа и в интересах всего нашего содружества государств.

Несмотря на все расстояния, нас объединяет борьба за единые цели — коммунизм и социализм, мирную и счастливую жизнь народов. Позвольте мне закончить словами вашего письма: пусть крепнет наша интернациональная сплоченность!

С коммунистическим приветом

Э. Хонеккер

Берлин, 5 сентября 1974 года.

ОБЩИЙ УСПЕХ

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор
еженедельника «Хорицонт» (ГДР)

В последнее время я побывал во многих зарубежных командировках, посетил США, Францию, ФРГ, Испанию, Португалию. Собственно, в таких поездках журналиста-международника нет ничего удивительного. Однако нам, журналистам ГДР, до недавней поры было не так просто пересекать границы некоторых стран. Долгое время натовские политики цеплялись за фикцию, что ГДР якобы не является самостоятельным государством. В ряде государств было запрещено играть гимн и поднимать флаг нашей республики. Заграничные паспорта ее граждан не признавались. В результате разрешение на въезд в большинство западных стран или вообще нельзя было получить, или при этом ставились такие унизительные условия, что приходилось отказываться.

Окончательный прорыв блокады, в кольце которой агрессивные империалистические круги держали наше государство более двух десятков лет, — один из важных успехов ГДР в канун ее 25-летнего юбилея. Еще пять лет назад только семь стран (не считая социалистических государств) имели дипломатические отношения с ГДР. Сейчас Германская Демократическая Республика, ставшая членом ООН, поддерживает дипломатические отношения со 111 странами. 4 сентября последней из западных держав решились на этот шаг США. Большинство западных стран открыли уже свои представительства в столице ГДР, что начинает благоприятно сказываться на решении многих повседневных задач. Упомянутые мною поездки — лишь малое подтверждение этому.

ГДР всегда стремилась установить с капиталистическими государствами отношения мирного сосуществования, рассматривая их как важнейшую составную часть своей социалистической внешней политики. Это нашло отражение в документах нашей партии и правительства, в многочисленных практических шагах.

Наши спортсмены, побеждающие на международных состязаниях, деятели культуры и ученые ГДР, пользующиеся международным признанием, труженики предприятий, чья продукция идет на экспорт, специалисты ГДР, работающие за рубежом, — все мы вместе шаг за шагом разрушаем стену враждебной империалистической пропаганды.

Полный крах империалистической блокады — заслуга не одной ГДР. Борьба за ее международно-правовое признание с самого начала велась в русле общей борьбы социализма с империализмом. Советский Союз и другие братские страны всегда считали равноправное участие ГДР в международной жизни общей задачей социалистического содружества. Как часто за прошедшие 25 лет чувствовала ГДР, каждый отдельный гражданин силу этой солидарности: при защите ее интересов в ООН и других международных организациях, членства в которых наша страна была лишена; при охране прав ее граждан там, где ГДР не имела своего представительства; в единодушном отпоре любым попыткам дискриминации ГДР при проведении каких-либо международных мероприятий.

В дни празднования 25-й годовщины немецкого рабоче-крестьянского государства наш народ с глубокой благодарностью отмечает подлинный социалистический интернационализм братских стран, прежде всего Советского Союза.

Полный, бесславный провал империалистического бойкота ГДР, как и другие свидетельства отрадного поворота в международных отношениях, — результат необратимых изменений на международной арене в пользу социализма и мира. Уменьшилась опасность новой мировой войны; международные отношения вступили в новый этап своего развития; принципы мирного сосуществования приобретают все более конкретное содержание и постепенно становятся нормой взаимоотношений государств с различным общественным строем. Шаг за шагом осуществляется принятая XXIV съездом КПСС Программа мира, которая давно уже стала программой действий всего социалистического содружества, всех миролюбивых сил.

Конечно, никто в ГДР — как ни велика наша законная гордость достигнутым — не думает, что существует прямая, проторенная дорога к безопасности и миру. Агрессоры еще продолжают свои происки в различных частях мира, влиятельные круги ряда стран сопротивляются разрядке напряженности. Еще живы реваншистские, противоречащие всем фактам тезисы определенных кругов ФРГ о «единой немецкой нации», «едином немецком гражданстве» и т. п.

ГДР будет и впредь решительно противостоять всем враждебным проискам. Оставаясь неразрывной составной частью социалистического содружества государств, республика будет и впредь отдавать все силы делу мира и социализма.

Советско-венгерские переговоры. Фото А. Пахомова.

Митинг советско-венгерской дружбы в Ленинграде. Фото Г. Хомзора.

ДРУЖБА, ЕДИНСТВ

Ярким выражением дальнейшего укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой явился официальный дружеский визит в Москву партийно-правительственной делегации Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром.

Посланцы братской Венгрии посетили нашу страну по приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

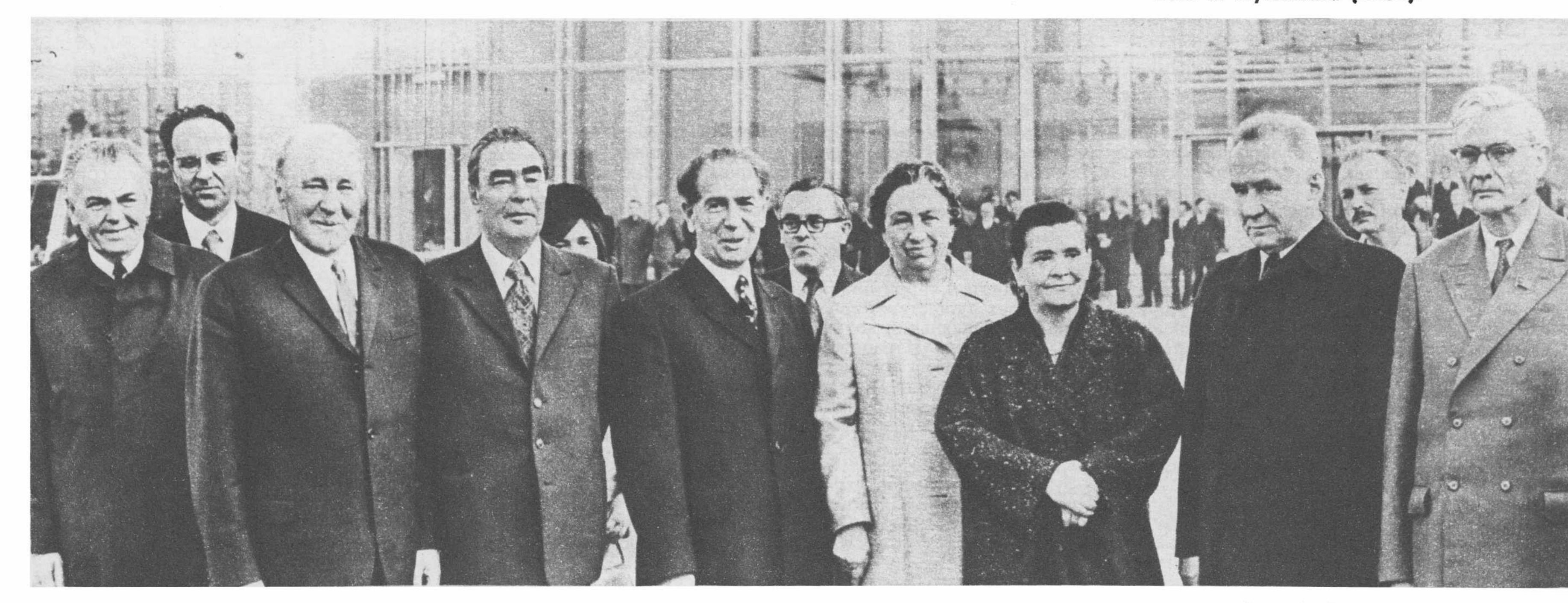
На Внуковском аэродроме руководящих партийных и государственных деятелей социалистической Венгрии встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, другие официальные лица и представители трудящихся Москвы.

В ходе визита состоялись советско-венгерские переговоры. Советские и венгерские руководители обменялись информацией о положении в своих странах, о ходе выполнения задач коммунистического и социалистического строительства, поставленных XXIV съездом КПСС и X съездом ВСРП. Делегации обсудили широкий круг международных проблем. По всем обсуждавшимся вопросам подтверждено полное единство взглядов и позиций сторон.

Выступая с речью на обеде, который был дан в Большом Кремлевском дворце в честь партийно-правительственной делегации ВНР, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Советские люди, наша партия дорожат боевым, испытанным союзом с венгерскими коммунистами, венгерским

29 сентября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ВСРП товарищем Яношем Кадаром.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Проводы на Внуковском аэродроме. Фото А. Пахомова.

О, СОЛИДАРНОСТЬ

народом. Мы видим в вас настоящих друзей, с которыми нас соединяют и совместно пройденный путь, и большие сегодняшние дела, и общие планы на будущее».

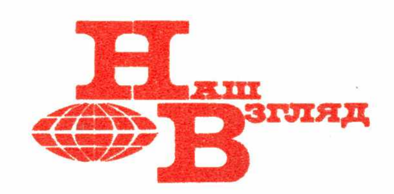
Партийно-правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром совершила поездку в Ленинград. Здесь 27 сентября в тракторосборочном цехе объединения «Кировский завод» состоялся митинг советско-венгерской дружбы.

Тепло встретили собравшиеся Первого секретаря Центрального Комитета ВСРП Яноша Кадара, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова, членов партийно-правительственной делегации ВНР.

Митинг вновь подтвердил прочный и братский союз между КПСС и ВСРП, между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

В братской, сердечной обстановке, в духе полного взаимопонимания и единства взглядов проходила состоявшаяся 29 сентября в Кремле встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ВСРП товарищем Яношем Кадаром.

В ходе беседы было подчеркнуто, что основой политического союза СССР и ВНР являются тесные, постоянно крепнущие связи и братская солидарность марксистско-ленинских партий обеих стран — КПСС и ВСРП. Особое внимание было уделено вопросам борьбы социалистического содружества за укрепление мира и разрядку международной напряженности в Европе и во всем мире.

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Разрядка международной напряженности — главное направление развития событий на международной арене. Еще одним ярким свидетельством этого очевидного ныне факта является проходящая в Нью-Йорке XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Да, разрядка и стремление к ней теперь уже прочно вошли в жизнь нашей планеты. Вошли в первую очередь потому, что был XXIV съезд КПСС, на котором была принята Программа мира и сотрудничества, выражающая волю советского народа, его решимость проводить и впредь с новой силой ленинскую внешнюю политику мира и дружбы.

Претворение в жизнь этой великой Программы уже дало благотворные результаты. Особое значение имеют известные соглашения 1972—1974 годов между СССР и США, в том числе историческое Соглашение о предотвращении ядерной войны. Сессия Генеральной Ассамблеи ООН сегодня проходит в условиях более благоприятного международного климата, когда ряд чреватых последствиями конфликтов в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Южной Азии удалось в той или иной степени ввести в русло политического урегулирования.

Показательным примером ослабления напряженности является политическое развитие в Европе. Здесь решены острые вопросы территориально-политического устройства, сложившегося в результате второй мировой войны, здесь наметились обнадеживающие перспективы в выработке практических норм мирных взаимоотношений государств. Главный вопрос политической жизни этого континента сегодня — успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Но на международной арене есть еще немало насущных проблем, требующих безотлагательного решения. Трагедия на Кипре — еще один пример того, что влечет за собой грубое нарушение независимости и территориальной целостности суверенного государства. Почти тридцать лет существует очаг напряженности на Ближнем Востоке, где за эти годы не раз вспыхивали войны. Ныне мы являемся свидетелями новых милитаристских устремлений Израиля. Из-за происков тель-авивских «ястребов» до сих пор не решена проблема арабского народа Палестины.

К сожалению, все еще продолжается неудержимый пока процесс гонки вооружений. Подсчитано, что во всем мире военные расходы составляют ежегодно свыше 250 миллиардов долларов, что превышает, например, весь национальный доход развивающихся государств Азии и Африки.

Советский Союз последовательно и неуклонно ведет борьбу за мир, против гонки вооружений. С новой силой эта политика нашей страны была продемонстрирована в выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В этом выступлении выдвинуты первоочередные, по мнению Советского Союза, задачи по урегулированию положения на Кипре и на Ближнем Востоке, завершению европейского Совещания, достижению конкретных договоренностей на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений и другие. На повестку дня сессии Советский Союз внес вопрос «О запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей».

Выступление А. А. Громыко и выдвинутые в нем предложения находятся в центре внимания мировой общественности. Они вызвали широкий отклик среди участников сессии, представляющих ныне 138 государств, они широко обсуждаются на страницах прессы. Американские газеты отмечают, что «главной темой выступления А. А. Громыко были разрядка и разоружение». «Советский Союз,— пишет французская газета «Юманите»,— предлагает серию конкретных мероприятий, направленных на то, чтобы сделать разрядку необратимой». Арабские и кипрские печать, радио и телевидение отмечают конструктивный характер советских предложений, направленных на решение неотложных проблем Ближнего Востока и Кипра. Пресса Индии подчеркивает, что все больше и больше стран Азии поддерживает идею создания системы коллективной безопасности на этом континенте.

Пристально следя за работой XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН и желая ей удачи, мы вспоминаем сегодня слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева из его недавней речи в Новороссийске: «Мы, конечно, еще не можем утверждать, что и в Европе и тем более на всем земном шаре уже создан прочный фундамент мира. Это было бы преждевременно. Но то, что уже сделано и делается в этом направлении,— открывает обнадеживающие перспективы. Впереди предстоит решать еще очень много сложных дел, чтобы эти перспективы стали реальностью. Свой священный долг мы видим в том, чтобы и впредь прилагать максимум усилий для того, чтобы не только мы с вами, но наши дети, внуки и правнуки не знали больше, что такое война, чтобы все народы могли жить в мире и здоровом взаимном общении».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ХАФЕЗА АСАДА

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ТРАГЕДИЯ ГОНДУРАСА

Фифи. Это несколько игривое, уменьшительно-ласкательное женское имя совсем недавно наводило ужас на жителей государства Центральной Америки — Гондураса. Оно было присвоено небывалому по силе урагану, обрушившемуся на эту небольшую страну. Всего несколько дней продолжалась жизнь «Фифи», но оставшиеся после него последствия, видимо, будут давать себя знать долгие годы.

Ураганный ветер, зародившийся в Гондурасском заливе, мчался со скоростью 200 километров в час, сметая все вокруг. Реки словно взбесились. Они вышли из берегов. Бурные потоки воды, подгоняемые «Фифи», смывали на своем пути целые селения, поглощая людей, животных, разрушая жилища и хозяйственные постройки. Не переставая, шли ливневые дожди. Под водой оказалось около по-

27 сентября 1974 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения, президента Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада.

В ходе беседы, проходившей в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания, характерных для советско-сирийских отношений, имел место обстоятельный обмен мнениями о дальнейшем развитии двусторонних отношений между Советским Союзом и Сирийской Арабской Республикой, между КПСС и ПАСВ, о положении на Ближнем Востоке и по другим актуальным международным проблемам.

На снимке: во время беседы.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

НА ЭКРАНЕ — ГЕРОИ НОВОРОССИЙСКА

В последнее воскресенье сентября как бы снова повторились для нас всех, для всего народа, те дни, когда город-герой Новороссийск отпраздновал знаменательную дату: 30-летие освобождения от фашистских захватчиков.

Мы стали свидетелями задушевных, волнующих встреч Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева с его давними фронтовыми друзьями — соратниками, однополчанами, самоотверженно оборонявшими «Малую Землю» в дни Великой Отечественной войны.

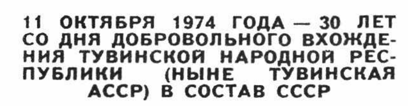
Оживают на телевизионном экране многие старые кадры военной кинохроники, вмонтированные в фильм. Эти простые, добрые, так мирно улыбающиеся люди сумели, смогли не только преодолеть жесточайший натиск врага, но и перешли затем в наступление, отбросили и погнали на запад гитлеровские войска... Мы видим Леонида Ильича среди ветеранов-фронтовиков, слышим, как оживленно они все вместе вспоминают эпизоды непрекращавшихся битв, называют имена героев, навечно прославивших себя мужеством и храбростью.

Нет, ничто не ушло без следа! Ничто не забыто в той легендарной уже теперь истории боев за Цемесскую бухту, за «Малую Землю», за самый город Новороссийск.

Как же он прекрасен нынче, как приветлив и гостеприимен, этот город, в дни своего замечательного праздника, который благодаря приезду Леонида Ильича Брежнева поистине стал праздником всего нашего народа, получив широкий отзвук во всем мире.

Мы словно все побывали там, в Новороссийске. И сердца наши бились таким же высоким, благородным волнением...

Кадр из фильма «Подвиг Новороссийска». Производство Центрального телевидения. Автор сценария Е. Синицын, режиссер О. Малинин, операторы В. Гайдамович, И. Гальперин, Д. Арцыбашев.

11 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА — 30 ЛЕТ СО ДНЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (НЫНЕ ТУВИНСКАЯ АССР) В СОСТАВ СССР

ВОЛЬНАЯ ПЕСНЬ АРАТА

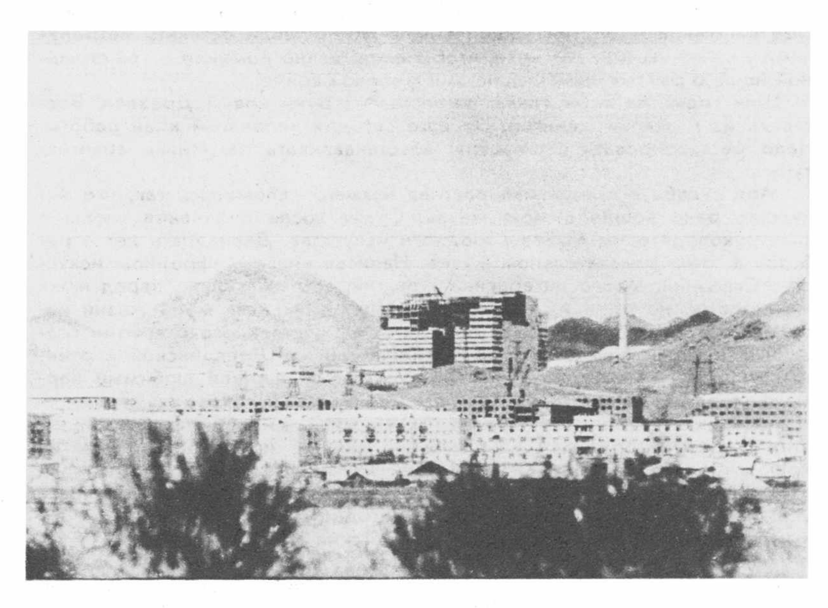
Саяны с севера, Саяны с юга, Саяны со всех сторон. Суровые, иногда совершенно лысые, они красивы особой строгой красотой. То желтые, то розовые, то фиолетовые, то черные — в зависимости от освещения,— они заставляют подолгу смотреть на себя. И не раз вспоминаешь их потом. Между гор расстелены гигантские скатерти тувинских степей. И вдруг, словно мираж, возникает вдали совершенно инородная деталь — заводская труба. Я даже глаза закрыл, но когда вновь открыл их, мираж не исчез. Тогда я понял: подъезжаем к Ак-Довураку, тувинскому центру «горной шерсти» — асбеста. И уже на современных, будто извечно обжитых улицах города (а ему только-только минул первый десяток лет) вспомнилось мне в который раз за эту поездку мрачное пророчество англичанина Каррутерса, побывавшего в Туве в 1910 году: «Тувинцы находятся, несомненно, на верном пути постепенного угасания». Может быть, и ни к чему вспоминать эти слова теперь, когда видишь вокруг расцветающий край, кипящую жизнь, но известно, что без знания прошлого не осмыслить настоящее.

Ак-Довурак — в переводе «белая земля». Это об асбесте, хотя он скорее голубоватый. Тут добывают множество длинноволокнистого, самого ценного сорта «горной шерсти». Из одного килограмма такого асбеста можно получить тридцать километров пряжи высшего качества. Меня познакомили с машинистом дробильного отделения комбината «Туваасбест» Раисой Ортун-Назын: она молода, но ее рекомендовали как ветерана — работает с первых дней пуска. Так вот, Раиса рассказывала, что на чабанских стоянках в родном Бай-Тайгинском районе она слышала в детстве от отца и деда предания о белой земле. Никто толком не знал, где лежит та земля, но все считали, что она приносит счастье. Один хитрый шаман отыскал заветное место и смастерил себе одежду из «даг-дугу» — «горной шерсти». Шаман спокойно входил в огонь костра и оставался невредим, он долго дурачил своих земляков, утверждая, что одежды его священны, а потому огню неподвластны. Доверчивые люди верили в святость шамана.

Давно в Тувинской АССР исчезли шаманы, и теперь стоит больших трудов отыскать даже в музее экзотический костюм шамана для народного ансамбля «Саяны». Давно уже в тувинских степях раздается вольная песнь арата. Давно тувинцы узнали настоящую ценность асбеста, узнали, как богаты их горы. Уголь Каа-Хема, цинк Кызыл-Таштыга, ртуть Терлиг-Хая и Час-Адыра, железо Кара-Суга, каменная соль Дус-Дага, кобальт Хову-Аксы — всего, пожалуй, не перечесть.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

Комбинат «Туваасбест».

Наводнение отрезало от внешнего мира многие населенные пункты страны.
Телефото ЮПИ — ТАСС.

ловины всей территории Гондураса. Особенно пострадали северные районы.

Морские порты и аэродромы парализованы. Электростанции и линии электропередач разрушены. Телефонная и телеграфная связь прервана. Шоссейные дороги размыты. Плантации бананов — главной статьи гондурасского экспорта, посевы других сельскохозяйственных культур почти полностью уничтожены. Большой урон нанесен животноводству. Безжалостная стихия превратила в развалины или смела с лица земли восемьдесят процентов промышленных предприятий.

Велики человеческие жертвы. Погибло около десяти тысяч человек. Триста пятьдесят тысяч получили ранения. Тысячи людей пропали без вести, и есть основания полагать, что их уже нет в живых. Свыше 600 тысяч осталось без крова. Больше всего пострадавших среди беднейших слоев населения.

Теперь, когда многие города, населенные пункты Гондураса полностью отрезаны от внешнего мира, лишены продовольствия, электроэнергии, связи, возникла угроза распространения голода и эпидемий среди населения. На всей территории страны введено чрезвычайное положение. Чтобы восстановить все, что уничтожено ураганом, по оценкам специалистов, потребуется десять или более лет.

Международный Комитет Красного Креста в Женеве обратился с призывом ко всем странам оказать помощь Гондурасу. Помощь уже поступает отовсюду. В том числе и из Советского Союза. Доставляемое продовольствие, одежда, медикаменты распределяются среди пострадавших.

Ю. СВЕРДЛОВ

СПАСЕННАЯ МАДОННА

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
специальный корреспондент «Огонька»

«Истинное произведение искусства, как явление природы, всегда безгранично для нашего сознания. Мы созерцаем его, оно действует на нас, но в сущности оно не может быть познано, еще меньше можно высказать словами его сущность, его достоинства».

Гете

— Никогда не забуду страшную ночь 13 февраля 1945 года,— рассказывает генеральный директор государственных собраний Дрездена, профессор, доктор Манфред Бахман.— Я, семнадцатилетний мальчишка, с ужасом смотрел на зловещее багровое зарево пожара, объявшего мой родной город. Полнеба пылало, окрашивая кровавым светом все вокруг. Невероятный, адский грохот взрывов авиабомб долетал до нас — до местечка Оберварте, расположенного в пятнадцати километрах от Дрездена, куда временно переехала моя семья. Когда мы вернулись домой, я не узнал город, где родился и вырос. Нас окружали руины. Развалины. Хаос. Мертвые, зияющие пустые глазницы окон домов. Таковы были кошмарные итоги бомбежки в ту февральскую ночь, когда англо-американские эскадрильи смели с лица земли один из красивейших старинных городов Европы. Уничтожили десятки памятников архитектуры, разрушили знаменитый Цвингер — гордость Дрездена... Прошло почти тридцать лет, но раны, нанесенные той ночью сорок пятого года, еще не все залечены. Руины Дрездена все еще напоминают о прошедшей войне. Мы решили оставить нетронутыми развалины Фрауэнкирхе, чтобы люди вечно помнили о той страшной ночи, о развязанной фашистами мировой войне.

Шли годы. На моих глазах вырастал из руин новый Дрезден. Восставал из развалин Цвингер. Но еще сегодня непочатый край работы. Надо реставрировать скульптуру, восстанавливать памятники архитектуры...

Моя судьба,— продолжал рассказ Бахман,— сложилась так, что искусство рано вошло в мою жизнь. Сразу после окончания учебы я стал руководителем Музея народного искусства. Двенадцать лет я работал в этом замечательном музее. Написал книгу о народном искусстве Саксонии. Много интересных событий, встреч прошло перед моими глазами, но один из самых волнующих моментов моей жизни наступил 3 июня 1956 года. Это был день торжественного открытия спасенных нашими советскими друзьями сокровищ Дрезденской картинной галереи — шедевров Цвингера. Мы снова увидели любимые картины, гордость нашего города, нашу радость. Первая из первых — «Сикстинская мадонна» Рафаэля, жемчужина мировой культуры... У этих шедевров трудная судьба. Были минуты, когда они стояли на краю гибели от сырости, холода. Они могли стать жертвой диверсии оголтелых вандалов — фашистов. Но они были спасены от опасности усилиями наших советских друзей. И сегодня мы считаем своим почетным долгом вспомнить, что именно советские солдаты, офицеры, и никто иной, в том далеком 1945 году спасли от уничтожения сокровища Дрездена. И что именно советские реставраторы, музейные работники — наши уважаемые и дорогие коллеги — заботливо сберегли, восстановили бесценные произведения живописи, скульптуры, графики до их окончательного возвращения на родину. Мы отлично понимали, в какое тяжелое для Советского Союза время это происходило, на каком счету были золотые руки специалистов-реставраторов. Ибо надо было восстанавливать, реставрировать свое, родное, разрушенное фашистскими варварами, спасать достояния национальной культуры. И, однако, советские люди нашли время и силы, чтобы сохранить, спасти сокровища Дрездена. Великое им за это спасибо!

Манфред Бахман предложил нам осмотреть собрание Цвингера. Вечерело. Мы шли к музею по набережной Эльбы. Погожий вечер расцветил пейзаж яркими, теплыми красками. В зеркале реки плыли дворцы, храмы. Сизый дым из высокой трубы пассажирского катера низко стлался над водой. Длинные сиреневые тени легли на изумрудный газон, отчетливо прочертили ажурную графику архитектуры дворца.

Цвингер. Я слышу это слово в хрустальном перезвоне старинных курантов, в шепоте жемчужных россыпей фонтанов. Вижу перламутровую рябь бассейна и опрокинутые в нее каменные кружева дворца, десятки скульптур, бирюзовое небо с пухлыми белыми облаками. И, как в плафоне Тьеполо, в воде бассейна отражаются фигуры людей, пришедших сюда приобщиться к прекрасному, увидеть шедевры мировой культуры и, конечно, прежде всего великую «Сикстинскую мадонну» Рафаэля.

Генеральный директор Бахман подвел нас к цоколю одной из колонн входа. Он указал на надпись, нацарапанную на темном песчанике:

«Музей проверен. Мин нет! Проверял Ханутин».

Манфред Бахман взволнованно говорит:

— Мы как драгоценную реликвию бережем эту надпись. Ведь ее начертал простой советский солдат.

...Советский солдат. Я вмиг вспомнил славный чехословацкий город Табор и надписи на здании школы, сделанные нашими бойцами, освободившими город в незабываемом мае 1945 года. Таборяне свято берегут и сберегли эти надписи в их первоначальном виде.

Перед моими глазами немедля встала во всей красе злата Прага, спасенная от разрушения подвигом советских солдат.

Я снова увидел старинные башни и соборы Кракова, обреченные на смерть фашистскими бандитами и избавленные от неминуемой гибели нашей армией. Я вспомнил горящие глаза замечательного польского скульптора Мариана Конечного и светлую улыбку директора Варшавского национального музея доктора Станислава Лоренца. Они благодарили советских людей за спасение национальных памятников культуры. Поистине светла и священна была миссия советского воина-освободителя, спасшего Европу от коричневой чумы. И никакие измышления рыцарей «холодной войны» не очернят благородную роль воинов Страны Советов.

Мы входим с профессором Бахманом в Цвингер. Рядом со входом на стене укреплена металлическая доска с выгравированными словами:

«Спасение шедевров искусства Дрездена Советской Армией является выдающимся подвигом социалистического гуманизма, событием большого исторического значения. На вечные времена наша благодарность народам Советского Союза».

— Тысячи, тысячи людей,— промолвил Бахман,— ежедневно читают эту торжественную надпись, сделанную на двух языках — русском и немецком. Экскурсоводы, переводчики рассказывают посетителям Цвингера о дружбе наших народов. В год нашу галерею посещают около двух с половиной миллионов человек из всех стран мира. Подумайте, какая масса людей приобщается к замечательному, неумирающему творчеству старых мастеров! И, конечно, каждый из посетителей спешит увидеть нашу звезду, наше солнце — «Сикстинскую мадонну», эту вершину мирового искусства.

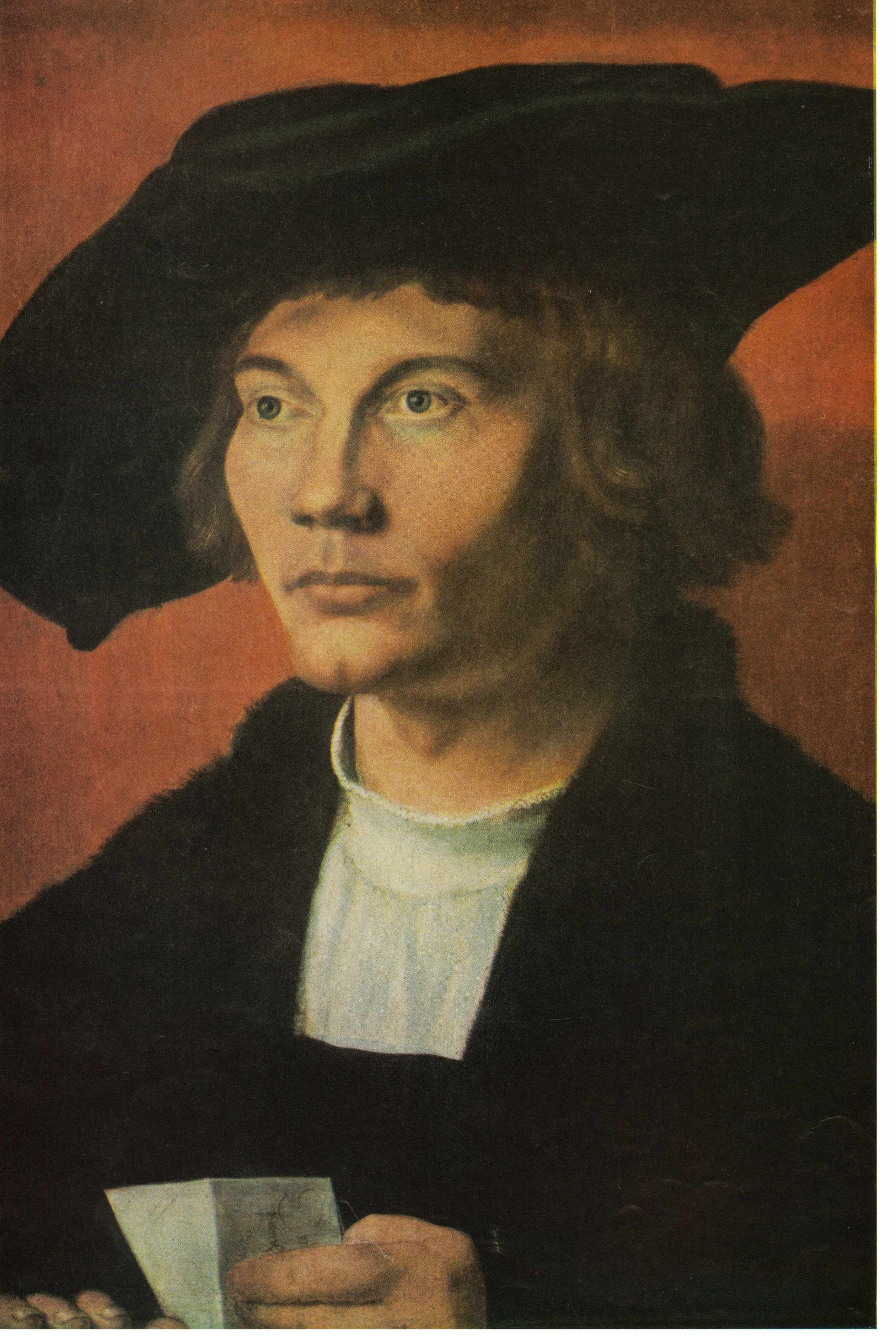
«Сикстинская мадонна» Рафаэля. Она написана около 1515 года. Босоногая. Простая. Юная. Мадонна спустилась к людям. Тысячные толпы ждут ее появления. И это зрелище людей, страждущих, ищущих ее взгляда, протягивающих к ней руки, остановило на миг Марию. Она потрясена. Вот земля... и эти люди, которые должны неминуемо убить ее дитя. Она знает об этом. Знает все!

В левом углу картины аккуратно поставлена тиара — знак величия и могущества папы римского. Она не нужна. Ведь здесь рядом само небо. Меланхолично, с недетской серьезностью, иронически глядят на род человеческий два малыша с крыльями. Ангелы. Они на своем веку уже вдоволь насмотрелись на этих странных, таких нелепых, смешных, а порою страшных людей. Шумных и плаксивых. Вечно просящих чего-то у неба. Всегда недовольных. Потупила взор святая великомученица Варвара. Она тоже слишком хорошо узнала цену людям. Ее смущает шум толпы. Ей немного стыдно. Ведь она тоже была человеком. Папа Сикст, древний старик, подъял умиленный взор к Марии. Он забыл, забыл всю свою суетную жизнь, все бесчисленные грехи свои, и вот здесь, на пороге жизни и смерти, он в первый раз наконец поверил. Поверил в чудо.

Попирая облака босыми ступнями, прижимая к груди сына, взирает на людей мадонна. Ее взор смущен этим зрелищем неустроенности

Рафаэль Санти (1483—1520). СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Альбрехт ДЮРЕР (1471—1528). ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

мира, страданий и волнений обитателей Земли. Прекрасное, благородное лицо отражает все оттенки изумления. Мария не слышит привычного хора ангелов. Ее слух смущен нестройными голосами жителей Земли. Она еще крепче обнимает сына. Мадонна чувствует судьбу малыша, и поэтому так широко открыты ее прекрасные, немного печальные глаза, чуть-чуть приподняты тонкие брови, потому такой скорбью осенена ее юная краса.

«Зачем я пришла?» — готовы прошептать уста. Но так надо. И молодая женщина, гордая, благородная в своем порыве, невзирая на всю тоску, щемящую ее душу, все же спустилась на Землю. Кто-то толкает ее навстречу людям. Хотя она знает: впереди неумолимо грядет Голгофа. Она пришла, ведь так хотел сам могущественный Рафаэль.

Рафаэль Санти. Этот мастер, по словам Гоголя, «миф высокого искусства». Художник, гений которого счастливо впитал в себя мудрость искусства Леонардо да Винчи и мощь творений Микеланджело. Тридцатидвухлетний живописец создал «Сикстинскую мадонну» в пору наивысшего взлета своего дарования. В этом полотне Рафаэль свершает невозможное. Изображает чудо. Видение. Им самим изобретенную легенду. И заставляет нас верить в это: так неотразимо проста, убедительна речь его пластики. Так невыразимо тонко срежиссирована психологическая ткань холста. И смущение Варвары, и ирония ангелов, и чудаковатая истовость папы Сикста лишь оттеняют благородство и скорбь Марии и ужас, написанный в глазах младенца. И вся эта необычайно сложная гамма чувств, обозначенных с такой убедительностью, с такой побеждающей правдой искусства, свершает невероятное. Мы всерьез начинаем вглядываться, изучать, любоваться полотном, а значит, начинаем верить в чудо!

Мир «Сикстинской мадонны» необъятно сложен. На первый взгляд ничто в картине не предвещает беды. И, однако, ощущение надвигающейся трагедии неотступно преследует, настигает нас, чем больше мы вглядываемся в полотно. Поет, поет сладкоголосый хор ангелов, заполнивших фон холста — небо. Он славит мадонну. Коленопреклоненный, покорный Сикст не отрывает восторженного взора от богоматери. Смиренно потупила очи Варвара. Кажется, ничто не угрожает покою Марии и ее сыну. Но бегут, бегут тревожные тени по складкам одежд и драпировок. Клубятся облака под ногами мадонны. Само сияние, окружающее Марию и ее сына, обещает бурю. Удавалось ли вам видеть предгрозовое свечение, когда вокруг клубящихся облаков вдруг появляется мерцающее сияние, трепетный теплый свет? Вглядитесь в полотно Рафаэля. Теснятся белоснежные облака. Их гонит ветер. Весь холст полон внутреннего движения, озарен трепетным, все обволакивающим светом, создающим и придающим необычайную жизненность творению мастера. Не голубое, безоблачное небо, не простой дневной свет сопровождают явление Марии. Странное, таинственное, свечение излучает сам холст картины. Свет то еле брезжит, то сияет, то победно сверкает. И вот это предгрозовое состояние как в зеркале отражается в лице младенца. Его лик полон тревоги. Он словно видит зарницы надвигающейся грозы, и в его глазах, недетских, суровых, отблески грядущих бед. Ветер растрепал пух его волос. Он приник к материнской груди и беспокойно всматривается в несметные толпы людей. Еще неясное, неосознанное волнение охватывает его. Рафаэль гениально отразил в чертах младенца ужас перед неотвратимостью рока. Художник — прекрасный драматург. Он великолепно выразил в «Сикстинской мадонне» противоборство света и тени. И эта борьба могущественных сил тьмы и света, отраженная в полотне, делает холст вечным. Всмотритесь. Мрак, спрятавшийся, запавший в тень покрывала Марии, сразу создает напряжение, ощущение приближающегося, наползающего несчастья. Порыв грозового ветра развевает тяжелые складки золотой ризы Сикста. Срывает с головы мадонны легкое покрывало. Колышет увесистые зеленые занавеси.

Асимметрия объемов и силуэтов картины еще усиливает ощущение беспокойства и внутреннего движения. Все взоры действующих лиц в полотне направлены в разные стороны, образуя как бы замкнутый круг. Лишь мадонна и младенец смотрят в упор на нас. И этот взгляд, отрешенный и взволнованный, невольно заставляет каждого стать соучастником события. Рафаэль властно переносит зрителя в далекое время и делает нас свидетелем придуманного им чуда. Картина до иллюзии реальна. Художник заставляет нас забыть, что это холст. (Хотя мы отлично видим, даже на репродукции, два шва в местах, где он сшит.) Мы почти не ощущаем следов труда мастера. Огромная картина написана, как говорят, на одном дыхании. Точнейший расчет, огненное сердце, полет взволнованной души позволили Рафаэлю создать этот шедевр. Неповторимый и не менее знаменитый, чем «Джоконда» Леонардо да Винчи. Каждое движение кисти, каждый удар ее, сделанный мастером из Урбино, точен до предела. В письме Рафаэля нет ни на йоту манерности, попытки чем-то удивить зрителя. Только желание донести до людей мысль, огромную, великую, целиком владеющую художником, только эта сверхзадача волнует Рафаэля. И живописец находит новые формы решения композиции, он открывает новую красоту в этом, сотни раз до него написанном сюжете — мадонна с младенцем. Рафаэль отыскивает новый, небывалый пластический язык, хотя в «Сикстинской мадонне» и можно найти следы открытий Леонардо, его «сфумато» и «контрапосто». Не бесследно прошло для Рафаэля и влияние невероятной энергии Микеланджело и многих, многих других классиков итальянского Ренессанса. Однако Рафаэль есть Рафаэль! Поэтому мы не найдем в «Сикстинской мадонне» роскошного колорита, подобного венецианскому, или умопомрачительных ракурсов, смущающих воображение зрителя. Все, все в этой картине наполнено удивительным чувством гармонии, меры, подчиненности сверхзадаче. Поэтому, несмотря на огромный формат холста, колдовское мастерство Рафаэля заставляет нас вступить в интимный диалог с мадонной. Где бы мы ни были, нас находит пристальный взгляд Марии, и мы как будто слышим вопрос: «Не ты ли один из тех людей, которые сделают меня несчастной?» И невольно душа твоя, несмотря на все веления разума, подсказывающего, что это лишь мираж, выдумка художника, душа твоя, нисколько не причастная ко всей этой истории и никак не повинная в страданиях Марии, все же замирает от этого тягостного материнского взора.

Убедительность живописи Рафаэля непревзойденна. Доступность его языка, граничащая с наивностью, не имеет равных. Взгляните на прут, на котором висят зеленые драпировки, на облака, служащие подножием мадонне, на задумчивых, немного плутоватых ангелочков — эти столь разные живописные детали решены Рафаэлем с легкостью, с какой-то невероятной, счастливой, всепокоряющей верой в реальность происходящего чуда. Без напыщенности, ни на миг не фальшивя, мастер рассказывает нам об этом невероятном происшествии. И мы верим Рафаэлю, как верят правдивому свидетелю необычайного события. Так неотразим пластический строй художника. Но не вздумайте хоть на миг поверить в простоту Рафаэля. Нет, нет, перед вами опытнейший режиссер и знаток психологии, великий мастер композиции. Язык живописца не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Попробуйте проследить за движением складок на одеждах и драпировках, и вы немедля установите, что в этой лишь кажущейся случайной живости и неприхотливости линий есть глубокая закономерность. Все, все подчинено главной цели — заставить вас увидеть и понять взор мадонны. Все изображенное вокруг лишь сложная и необходимая рама, лишь аккомпанемент к центру полотна — лику Марии. Стремительный бег линий, весь сложный абрис силуэтов — все неизбежно приводит нас к мадонне. Расчет мастера неотразим. И мы в плену у мадонны. На всю жизнь. Становимся ли мы старше, перестаем любить эту картину или нет, но забыть ее нельзя. Такова сила обобщенного образа, прекрасно воплощенного Рафаэлем в «Сикстинской мадонне». Мадонна не только красива, она еще и бесконечно мудра. Ее взор, кажется, проникает в самую глубь явлений. О ней можно сказать словами стихов Сервантеса, посвященных поэзии:

Она умеет видеть суть явлений
и там, где для мудрейшего темно...

Понять очарование «Сикстинской мадонны» с первого взгляда трудно, порою невозможно. Для этого нужно время и... тишина. Конечно, тишина относительная, ибо у картины всегда сотни, сотни людей. Правда, бывают в жизни положения исключительные, и тут не могу не рассказать о том удивительном счастье, которое выпало на мою долю. Это было в середине августа 1945 года. Только что привезли в Москву спасенные шедевры Дрезденской галереи. Я знал, что мои товарищи по институту Николай Пономарев и Михаил Володин принимали деятельное участие в спасении картин. Ездили в Германию вместе со специальной бригадой. Теперь все эти картины, скульптура и графика должны быть сосредоточены в Музее изобразительных искусств имени Пушкина для реставрации и сохранения.

И вот как-то рано утром раздался звонок:

— Приезжай срочно к музею.

Целый день вместе с моими товарищами, студентами Института изобразительных искусств, участвовал я в разгрузке машин со скульптурами и картинами Дрезденской галереи.

Наступил вечер. Павел Дмитриевич Корин, руководивший всеми работами, пригласил ребят к себе в реставрационную мастерскую, служившую ему и кабинетом.

Прасковья Тихоновна, жена художника, нарезала еще теплый черный хлеб, лук, налила чай. Павел Дмитриевич улыбался, глядя, как мы уплетали этот чудесный по тем временам ужин, потом весело сказал:

— Ну, теперь вы вполне заслужили после трудового дня право на отдых и зрелище,— и проводил нас в большой белый зал музея.

Ступени казались бесконечными.

Неяркий свет августовского вечера озарял помещение, десятки, десятки полотен. Первое, что я увидел, была «Сикстинская мадонна». Она стояла на полу. Без рамы, прислоненная к стене.

«Сикстинская мадонна»... Легендарное полотно Рафаэля вдруг показалось мне темноватой, довольно сухо написанной картиной. Я обомлел. Если бы тогда я знал знаменитые строки Льва Толстого «мадонна Сикстинская... не вызывает никакого чувства, а только мучительное беспокойство о том, то ли я испытываю чувство, которое требуется», мне, наверное, было бы легче, но тогда я был поражен до глубины души.

Рядом с Рафаэлем стояли шедевры Вермеера Дельфтского, Корреджо, Боттичелли, Рембрандта, Веласкеса. Это было зрелище непостижимое! Тем более что только недавно окончилась война, и мы давно уже не видели сокровищ Эрмитажа и других наших музеев.

Молча, боясь нарушить тишину, бродили мы от картины к картине, обмениваясь лишь восторженными взглядами.

Стемнело. И мы ушли из этого зала. Что удивительно — многие из моих товарищей тоже не поняли «Сикстинскую мадонну». Зато всех с первого взгляда сразили Вермеер и Веласкес.

Прошло несколько дней работы и вечерних посещений белого зала. И вдруг я понял, глубоко ощутил все величие и прелесть «Сикстинской мадонны». Все больше и больше времени я да и мои товарищи простаивали у полотна Рафаэля, вглядываясь в черты Марии, пытаясь понять смысл ее взгляда.

Однажды мы поведали наши мысли Павлу Дмитриевичу Корину. Он очень внимательно выслушал. Его прекрасные, чистые глаза ласково глядели на наши смущенные лица.

— Еще Эжен Делакруа,— промолвил Корин,— писал, что «живопись более неясное искусство, нежели поэзия, несмотря на то, что ее формы окончательно закреплены перед нашими глазами. Это одно из ее величайших очарований».

Надо уметь вчитаться, вглядеться в картину,— продолжал Павел Дмитриевич,— и вся глубина шедевра тогда откроется вам. Главное, только не спешите.— И он удивительно светло улыбнулся.

Думал ли я почти тридцать лет назад, что мне доведется увидеть «Сикстинскую мадонну» и другие шедевры Цвингера в их родном Дрездене? Судьба, эта великая колдунья, сделала так, что я через три

десятка лет снова стою у полотна Рафаэля в самом Цвингере и вижу... белый зал Музея изобразительных искусств, светлые глаза мудрого Павла Дмитриевича Корина, послевоенную родную Москву, моих товарищей по институту... Такова великая сила ассоциаций, сила искусства.

Но вернемся к Рафаэлю. Просторный зал Цвингера полон людей. Со всех концов земли приехали, пришли они сюда встретиться с мадонной. И она ждала их. Ее тревожный взор вдруг становится теплей, приветливей. Она любит людей. Ей приятно это длящееся веками восторженное паломничество.

«Сикстинская мадонна»!

Невольно вспомнились слова Гоголя: «Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника... Вся картина была — мгновение, но то мгновение, к которому вся жизнь человеческая — есть одно приготовление».

Рафаэль достиг в «Сикстинской мадонне» высшего мастерства. Его живопись, по словам Вазари, персонажи его картин «кажутся скорее выполненными из плоти и крови, нежели красками и рисунком». И, конечно, современники были потрясены произведением тридцатидвухлетнего живописца. Его называли «божественным»; восхищенные почитатели толпами следовали за ним по улицам Рима.

«Ум, суеверие, атеизм, маскарады, отравления, убийства, несколько великих людей, бесконечное множество ловких и тем не менее несчастных злодеев, всюду пылкие страсти во всей их дикой неукротимости»... Стендаль написал эти слова о XV веке, но они вполне подходили и к XVI веку — времени написания «Сикстинской мадонны».

«Я невольно вспомнил Пушкина,— пишет Белинский о «Сикстинской мадонне» Рафаэля,— то же благородство, та же грация выражения, при той же верности и строгости очертаний; недаром Пушкин любил Рафаэля, он родня ему по натуре».

Благородство и красота образа мадонны действовали благотворно на самых прогрессивных людей России. «Посмотрите, она все преображает вокруг себя!.. я чувствовал себя лучшим всякий раз, когда возвращался от нее домой!» — говорил Кюхельбекер. Огарев пишет Грановскому в 1841 году: «В Дрездене Мадонна удивительная. Я только тут понял живопись... Это мой идеал».

«Сикстинская мадонна» Рафаэля, как и «Троица» Рублева, являет нам сегодня высокий образец гармонии, пластики, совершенства. И недаром все усилия модернистов и прочих отрицателей красоты в искусстве были прежде всего направлены против Рафаэля. Однако неумолимое время стирает имена ниспровергателей Рафаэля и Пушкина, и с каждым годом все ярче и ярче разгорается слава вечных творцов прекрасного. Такова логика истории...

Дрезден. Черные персты старых колоколен указуют на небо, откуда пришла смерть. Сегодня небосвод ясен и безоблачен. Но дрезденские руины предостерегают людей. Помните, помните, помните...

Бьют, бурлят серебряные фонтаны на новой Прагерштрассе. Кипит малахитовая вода в бассейнах. Острые силуэты новых зданий рвутся в небо. Рядом четкие прочерки строительных кранов. Сверкают витрины нового квартала. Ленивые августовские облака плывут в широко открытых стеклянных окнах домов. Бетон. Металл. Стекло. Семидесятые годы XX века. Вдалеке, за густой зеленью — силуэты старого Дрездена. Синие тени лежат на бетонных плитах новой улицы. Спешат, спешат куда-то люди, граждане нового города. Мягкое солнце августа сложило пеструю мозаику. Оранжевые, красные листья каштанов плавают в бирюзовой воде бассейнов. Скоро осень.

Мы в гостях у Макса Зайдевитца. Хозяин дома вспоминает страницы своей нелегкой жизни. Борьба с фашизмом. Эмиграция. Звучат забытые слова: «СС», «СА», «штурмовики». Мелькают названия стран: Чехословакия, Голландия, Норвегия, Швеция. Зайдевитц — сорок лет коммунист, поэтому вся его судьба — сражение с фашизмом, с мраком. Оружие — перо! Большая полка с книгами — итог огромной работы. Его жена Рут тоже писатель, порою соавтор.

— Когда мой старый друг Иоганнес Бехер,— рассказывает Макс Зайдевитц,— в 1955 году предложил мне по поручению правительства взять на себя руководство вновь открываемой Дрезденской галереей, я на первых порах отказался. Ведь я не искусствовед, не художник. Я был публицистом, журналистом, если хотите, писателем. Но Иоганнес и другие товарищи убедили меня. И вот в 1955 году я еду в составе делегации в Москву, где нам в торжественной обстановке вручают знаменитый «Портрет молодого человека» великого немецкого художника Альбрехта Дюрера. Потом делегация уехала, увезя картину, а я... остался учиться в мои шестьдесят три года. Учиться музейному делу у замечательных советских друзей. Огромную, неоценимую помощь оказали тогда мне своими советами такие выдающиеся деятели культуры и искусства, как Павел Корин, Андрей Губер, Наталья Соколова, Андрей Чегодаев. Великолепный опыт мне передал реставратор, ученик Корина Степан Чураков.

Когда мы узнали о благородном решении Советского правительства — передать спасенные Советской Армией и советскими реставраторами сокровища Дрезденской галереи, нашу радость трудно было описать словами. Но мы знали и другое: Цвингер разрушен. Надо было работать, работать, работать.

И все же, несмотря на трудности, в июне 1956 года первая очередь Дрезденской галереи была открыта. Шедевры собрания привез из Советского Союза Степан Чураков, наш старый друг, активно участвовавший в их спасении в 1945 году.

Сегодня, накануне большого праздника — двадцатипятилетия Германской Демократической Республики, мне хочется сказать слова великой благодарности советскому народу, Советской Армии, Советскому правительству, которые сделали столько добра, так помогли нашему народу, нашей культуре, нашему искусству. Мне хочется в эти дни особенно поблагодарить советских друзей, участвовавших в спасении сокровищ Дрездена в 1945 году,— Соколову, Перевозчикова, Ротатаева, Григорова, Чуракова, Пономарева, Володина и многих других, вложивших столько труда, любви в дело спасения шедевров мировой культуры...

Я представил вмиг сырые туннели, заброшенные шахты, просто пустые сараи, где кое-как были свалены, брошены бесценные творения человеческого гения. Фашисты следовали известной формуле: «После нас хоть потоп», и они обрекли сокровища Дрездена на верную гибель. Ибо еще месяц-другой, а то и всего несколько дней пребывания полотен в этих ужасающих условиях, и их ждала смерть!

О спасении шедевров из собрания Дрезденской галереи писалось немало. В книге «Семь дней» писатель Леонид Волынский поведал подробности находки «Сикстинской мадонны» и других картин. Познавательны воспоминания члена-корреспондента Академии художеств СССР Натальи Ивановны Соколовой.

Но, думается, эта тема еще ждет своего полного раскрытия: так величественна и прекрасна картина подвига советских людей, в трудные дни отдавших свой талант, свои силы, весь жар души спасению этих бесценных сокровищ.

Мне удалось встретиться и побеседовать в Москве с двумя участниками бригады, получившей в мае 1945 года особое задание по спасению Дрезденской галереи,— Степаном Чураковым и Михаилом Володиным. Вот несколько строк из их рассказа:

— Когда мы, Александр Ротатаев, Сергей Григоров, Николай Пономарев, Степан Чураков и Михаил Володин, вышли из самолета на аэродроме Темпельгоф в Берлине, было 17 мая 1945 года.

Была весна. Нас поразило, что даже в бетонном царстве посадочных и взлетных полос, в швах плит дерзко зеленела молодая трава, цвели одуванчики. Кругом валялись пустые гильзы патронов. Бетон был усыпан осколками снарядов. Рядом с нами в поле уткнулся носом обгоревший фашистский самолет. Пахло гарью. К огромной воронке вереницей тянулись немки с ведрами: пришли по воду.

Столица рейха еще горела. Слышались взрывы. Где-то что-то ухало, скрежетало. Но весна брала свое. Буйно цвели кусты сирени.

Дорога на Дрезден. Горят леса. Автобан разбит. Мосты взорваны. Кругом кладбище техники. Дым ест глаза. И как необычайный контраст, наши девчата-регулировщицы с флажками и автоматами. Одни среди просторов полей. Куда-то брели немцы. Порою попадалась обычная телега, на ней флажки — французские, бельгийские, голландские. Люди, впряженные в коляски, везут больных, голодных, раненых. А над всем этим хаосом — радостное весеннее небо, безоблачное, голубое. Май...

Ночью приехали в Дрезден. Дома как решето. Развалины дворцов, храмов, падают стены. Немедля встал вопрос: где хранить, куда везти дрезденские шедевры? Остановились на Пильнице — летней резиденции саксонских курфюрстов. Этот дворец уцелел чудом. С первого же дня мы познакомились с замечательным человеком — офицером Перевозчиковым, начальником батальона, приданного нам. Мы начали поиск.

Пирна. Каменоломня. Открытый карьер. Машины долго спускались на дно. Перед нами зияла зловещая черная дыра туннеля. Гулко звучали наши шаги по шпалам железнодорожного пути. Вдали мерцал свет. Мы брели в сумраке. То, что мы увидели в конце туннеля, не поддается описанию. В вагоне — сваленные у стен полотна. Поблескивали золотые рамы. Было людно. Сразу увидели маршала Конева, генерала армии Петрова. Коневу доложили, что бригада из Москвы прибыла.

— Отлично!— сказал маршал.

Начались долгие дни, недели поисков, работы по спасению шедевров. В заброшенных штольнях, карьерах, бараках, пустых имениях, в сырости, холоде находились беззащитные полотна величайших мастеров живописи, обреченные на гибель.

Где «Сикстинская мадонна»? Этот вопрос волновал всех.

И вот наступил день, который не вычеркнешь из памяти. Пильниц. Парадный зал. Зеркала. Обычная дворцовая роскошь. В широкие стеклянные окна видна Эльба. Перед нами трехметровый деревянный ящик. Осторожно вскрываем тройную раздвижную крышку... «Сикстинская мадонна»! Величавая, простая, шагнула к нам с холста. Вместе с ней в зал вошла тишина.

Наталья Ивановна Соколова записала имена всех присутствующих.

...Творение Рафаэля. После всего хаоса, разрушений, которые прошли перед нами, особенно ярко поражала гармония, красота этого величайшего шедевра мировой живописи.

Это была кульминация наших исканий. Но поиски продолжались. Все новые и новые шедевры стекались в Пильниц. Наконец было собрано почти все. И в то же время стало абсолютно ясно, что картины нуждаются в срочной реставрации и, главное, в музейном хранении. Николай Пономарев был срочно командирован в Москву с соответствующим письмом. Вскоре пришло решение, и в конце июля эшелон с шедеврами отбыл в Москву.

Впереди была длительная, кропотливая работа. Музей изобразительных искусств гостеприимно раскрыл свои двери. Шедевры были спасены.

— Мне хочется вспомнить одну деталь,— добавляет Степан Сергеевич Чураков.— В 1955 году осенью была торжественная передача шедевров Дрездена. В кабинете генерального директора Макса Зайдевитца устроили пресс-конференцию, на которой выступил профессор Вельт из ФРГ. Он заявил, что советские специалисты не могли правильно эвакуировать «Сикстинскую мадонну» и что они... разрезали ее на шесть частей. Что прочие картины скверно реставрированы, что их в Москве небрежно хранили.

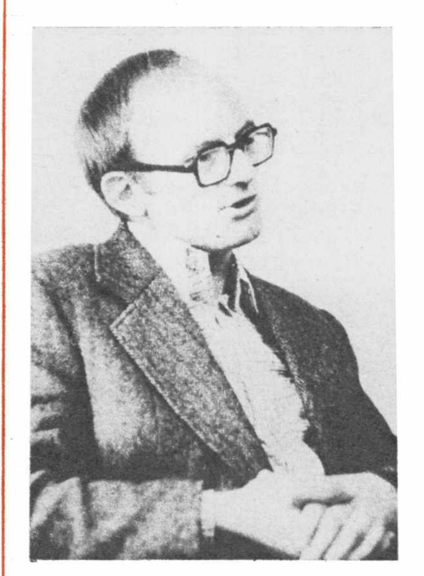
Я попросил слова и сказал, что надо просто пройти по залам и посмотреть картины. Тогда все будет ясно.

Поднялся страшный шум. Наконец все же пошли по залам. Подошли к «Сикстинской мадонне».

— Где же следы порезов? Укажите,— предложил я Вельту.

Он развел руками и признался, что сболтнул лишнее, как он выразился, «из политических соображений». Комментарии излишни.

— Мне показалось,— заключил Чураков,— что мадонна с укоризной, сурово посмотрела на Вельта...

ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ В ОТВЕТЕ

Герман КАНТ, лауреат Национальной премии, заместитель председателя Правления Союза писателей ГДР

«ОГОНЕК». В современном мировом литературном процессе литература Германской Демократической Республики играет важную и ответственную роль, являясь одним из передовых отрядов искусства социалистических стран. С какими достижениями приходят писатели к юбилею республики?

Герман Кант. Главное достижение: 25 лет существует литература ГДР! А вообще говоря, я убежден, литература не должна носить юбилейный характер. Конечно, я не против того, чтобы к нашему большому празднику появились новые произведения, ведь предстоящий юбилей, несомненно, большой стимул для завершения уже начатого дела. Я и сам решил закончить к 7 октября один из рассказов. Но все-таки главная задача литературы—постоянно, ежедневно отвечать на важнейшие вопросы современности.

Еще прошлой осенью на VII съезде Союза писателей ГДР состоялся разговор о пути, пройденном нашей литературой за эти годы. Главный его итог — это та тесная связь, которая ныне существует между партией, писателями и читателями. Если бы наши писатели вздумали вдруг обменяться биографиями с тружениками нашей страны, они обнаружили бы, как они схожи во многом! У литературы и народа — общие враги и общие друзья. Мы работали все эти четверть века во имя одной цели — строительства социализма на немецкой земле.

«ОГОНЕК». У колыбели современной литературы ГДР стояли такие прославленные писатели, как Бертольт Брехт, Анна Зегерс, Фридрих Вольф. Эстафету приняли писатели среднего и молодого поколения. Что наиболее характерно для их творчества? Что можете вы сказать о главном герое этой литературы?

Герман Кант. К счастью нашей литературы, она не знала и не знает конфликта между разными поколениями, как и не было его никогда в жизни нашей республики. К перечисленным именам я мог бы еще добавить не меньше двадцати и среди них — непременно Людвига Ренна и Бруно Апица. Жизнь этих людей, как и жизнь Анны Зегерс, самой яркой звезды нашей литературы,— это пример беззаветной преданности идеалам социализма. Мы, писатели среднего поколения, приняли эстафету из их добрых, заботливых рук. Они были нашими учителями, товарищами, друзьями, у них учились мы переосмысливать трагическое прошлое нашей страны, объяснять ее настоящее и задумываться над ее будущим, потому что все это вместе и есть профессия писателя. Они передали нам из рук в руки, как драгоценный дар, дружбу с советскими писателями. И теперь я горжусь тем, что могу назвать своими друзьями Константина Симонова и Чингиза Айтматова...

Мои товарищи, писатели среднего поколения, почти все в неполные двадцать лет прошли через войну. Две трети из их числа вышли из среды рабочих. Конечно, это во многом определило их творчество, и им не потребовались командировки на заводы или на строительные объекты. Они там сами работали и писали о себе, о своих друзьях, которые, изменяя мир, изменяли себя. Рождение этого нового человека, мироощущение гражданина первого социалистического государства на немецкой земле — вот что интересовало Франца Фюмана, Кристу Вольф, Эрвина Штриттматтера и многих других. На наших глазах происходило чудо рождения нового немца, и литература участвовала в этом нелегком процессе. Что же касается молодого поколения нашей литературы, то это уже те самые новые немцы, которые воспринимают социализм в нашей стране как явление само собой разумеющееся, как, впрочем, и герои их романов и повестей!

«ОГОНЕК». Советские читатели хорошо вас знают по роману «Актовый зал», который вышел девять лет назад и сразу стал событием литературной жизни ГДР. В этом году многие уже прочитали ваше новое произведение — «Выходные данные». Интересно было бы узнать, в какой стадии находится следующий роман.

Герман Кант. На этот вопрос трудно ответить даже самому себе. Могу сказать только, что роман еще не закончен, у него нет пока названия. Но уже ясно одно, что в нем повстречается кое-кто из уже известных вам героев. Это и не удивительно: автор все тот же! Правда, за это время он, как и любой из вас, узнал что-то новое для себя и в чем-то изменился. В таких случаях почти всегда вместе с автором новое узнают и герои, которые тоже в чем-то изменяются... Впрочем, придет время — и вы сами сможете об этом составить собственное мнение!

Фото Х. Штрауса.

ПОЭТЫ ГДР

Маргарете НОЙМАНН

СВАРЩИК

Падающие, прыгающие звезды:
Сталь прикипает к стали
В умелых руках охотно
К мостам и аркам,
К мощному корпусу корабля.

Тогда, прежде чем началось наше время,
Мы уже говорили «корабли»,
И мы говорили «мосты»,
И могли бы ими очень гордиться,
Как гордятся делом рук своих.

Но при этом мы должны были бы забыть,
Когда говорили о «мостах»,—
Чем они нагружались и для кого.

И еще мы должны были бы забыть,
Когда говорили о «мостах»,—
Кто по ним маршировал и куда.

И забыть бы нам также надо
Тех, кто укладывался спать под ними,
Когда наступал холодный вечер...

Падающие, прыгающие звезды:
Сталь прикипает к стали
В умелых руках послушно
К мостам и аркам,
К мощному телу судна.

Но на кораблях теперь наши сыновья
Плывут к таким же, как они,
И будут гостями там.

Но ныне эти мосты перекинутся от страны
К странам, соединяя
Друзей с друзьями,
Сталь со сталью.

Перевод Ю. НОВИКОВА.

Манфред ЕНДРИШИК

В СИБИРИ И ВСЮДУ

Прежде всего приветливость —
почти немая,
затем на языке хлеб-соль,
затем уже несколько слов,
общих любым наречиям,
затем — почти танец,
и вот уже песня
плывет над речным теченьем,
речь, наконец,—
говорят: от всего сердца.

Перевод В. КУПРИЯНОВА.

Тюмень — Сургут, 1974.

Ио ШУЛЬЦ

ВИД ИЗ ОКНА

Как весело старуха катит
На велосипеде под окном:
В седле, как девушка, прямая,
Педали ровно выжимая,
Объехать камень норовит.

Как будто в том ее работа,
Непринужденно и с охотой
Она летит.

И любо ей по мере сил
Движенью мира подчиняться.

Так весело старуха катит
Здесь мимо моего окна,
Мне оставляя на прощанье
Улыбку только.

Хайнц КАЛАУ

* * *

Поднять я землю рычагом смогу,
И на вопросы все найти ответы,
Могу пустыни Африки водою напоить,
Могу директора завода заменить,
Могу из океана выпарить всю соль,
Могу я трем работам сразу научиться,
Могу я Арктику от льда освободить —
Я это все могу — я не один на свете!

Переводы Ю. НОВИКОВА.

...Их почти два миллиона, граждан ГДР, каждый из которых может с гордостью сказать о себе:

— Я коммунист, я имею честь принадлежать к партии, под руководством которой на востоке Германии воплощаются в жизнь мечты великих революционеров — Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, становится явью то, во имя чего боролся и погиб в фашистском Бухенвальде Эрнст Тельман.

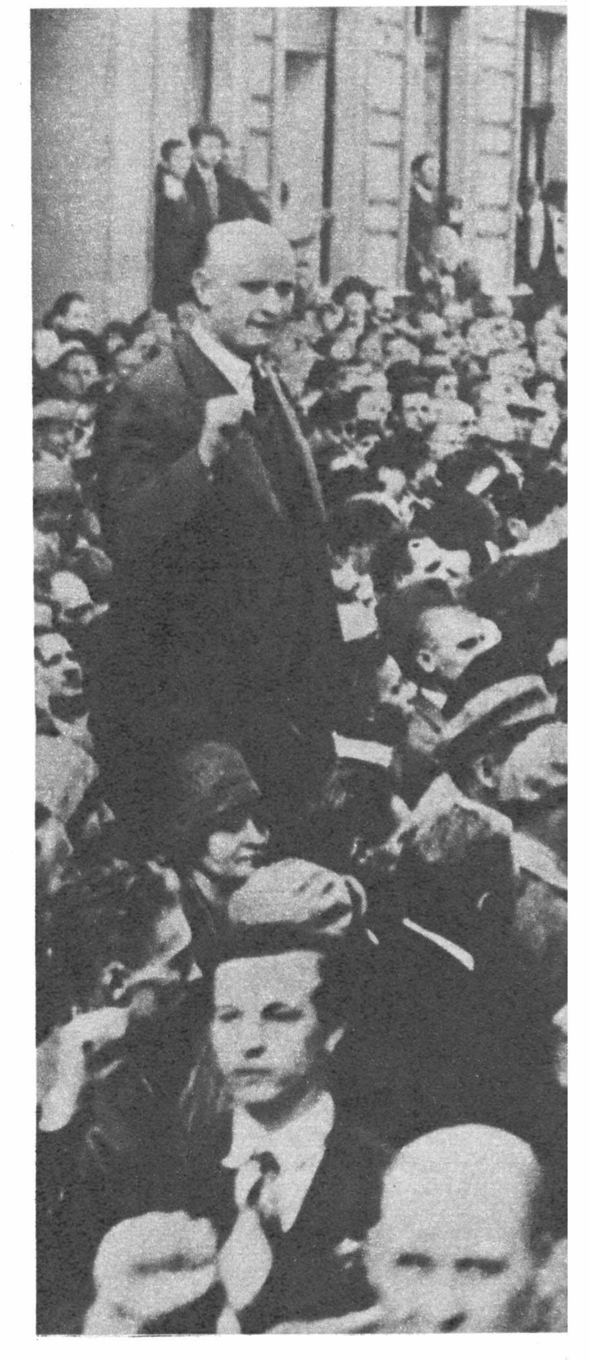
...Их почти два миллиона, граждан республики, составляющих надежный отряд всемирной армии коммунистов. Среди них ветераны, которые на залп «Авроры» ответили раскатами ноябрьской революции 1918 года, стойкие сыны рабочего класса, которые пронесли сквозь черную ночь фашизма свет марксистско-ленинских идей и остались верны нерушимому интернациональному братству.

Члены Социалистической единой партии Германии — это устремленные в будущее строители новой жизни, развитого социалистического общества. Сегодня они на самых ударных участках этой стройки.

Мы публикуем фотодокументы, которые сохранили для нас страницы истории борьбы немецких коммунистов за светлое будущее своего народа.

Комментируют снимки участники событий тех лет.

КОММЕНТАРИЙ К ФОТОГРАФИЯМ

1. 2.

1929 год. На трибуне митинга — Эрнст Тельман. Я хорошо помню то незабываемое время. К слову Тельмана прислушивалась вся страна. Задолго до начала второй мировой войны он предупреждал: «Гитлер — это война»...

Вскоре она грянула в Испании. И среди тех, кто насмерть бился с фашистами у Гвадалахары, под Мадридом, были и тельмановцы. Вот они, герои легендарного тельмановского батальона: второй слева — Людвиг Ренн.

Я был бойцом 11-й интербригады, в которую входил тельмановский батальон. Здесь я впервые встретился с советским человеком. Полковник Борис — это была его конспиративная кличка — поручил мне трудное задание. «Ты — коммунист,— сказал он,— справишься, потому что так требует партия».

...Требует партия! Эти слова стали высшим велением жизни каждого из нас.

Макс ФРИДЕМАН.
Был директором завода, представлял Республику в торговых и дипломатических миссиях.

3. 4.

Таким я был в 1934 году, когда меня впервые арестовали гестаповцы. Эта фотография напоминает о первом тяжком испытании, выпавшем на долю восемнадцатилетнего юноши. Я был младшим в многодетной рабочей семье. И, как многие рабочие парни в пору Веймарской республики, включился в деятельность Коммунистического союза молодежи Германии.

Когда вышел из тюрьмы, сразу установил контакт с активными борцами Сопротивления. Через моего школьного друга Ганса Коппи связался с легендарной группой Шульце-Бойзена — Харнака. Я помогал им собирать сведения, которые мы тайно передавали через линию фронта. Вот фотография тех дней: Хильде и Ганс Коппи у палатки, где проходили нелегальные встречи. Ганса фашисты убили в 1942 году, а меня направили в штрафной батальон. Но там я пробыл недолго. При первом же удобном случае перебежал к советским солдатам.

Ганс ЛАУТЕНШЛЕГЕР.
Руководитель отдела кадров Академии наук ГДР.

5. 6.

21 апреля 1946 года в Берлине собрался исторический Объединительный съезд Коммунистической и Социал-демократической партий Германии. Я был избран в президиум этого знаменательного съезда.

Товарищи Вильгельм Пик и Отто Гротеволь символическим рукопожатием скрепили долгожданный союз. Вот снимок, запечатлевший тот незабываемый момент. Я испытывал большую гордость: мне довелось участвовать в подготовке съезда. Помню, с каким нетерпением рабочие ждали этого объединения, помню, как ликовали они в феврале 1946 года, когда на вопрос делегатов 1-го конгресса профсоюзов, скоро ли наконец будет осуществлено рабочее единство, Вильгельм Пик ответил: долго ждать не придется!

С волнением смотрю я на кинокадр той поры: как две большие реки, слились колонны коммунистов и социал-демократов. Они образовали могучий поток — Социалистическую единую партию Германии.

Ганс ЕНДРЕЦКИ.
Член Центрального правления Объединения свободных немецких профсоюзов. С 1965-го — председатель фракции ОСНП в Народной палате.

7.

Я никогда не забуду два события, свидетелем и участником которых довелось мне быть.

...1945 год. В концлагерь Маутхаузен, находившийся на территории, занятой американцами, приехал советский генерал. Встреча с ним стихийно вылилась в яркую демонстрацию солидарности антифашистов с Советским Союзом.

...10 октября 1949 года. Через три дня после образования первого в немецкой истории государства рабочих и крестьян генерал армии В. И. Чуйков передал правительству ГДР функции управления, сложив перед правительством республики полномочия советской военной администрации. Вот как это было.

Ганс ЗЕЙГЕВАССЕР.
Коммунист с 1921 года. После разгрома фашизма — на ответственной работе в партийном и государственном аппарате ГДР.

8.

Зал заседаний VIII съезда СЕПГ. Эта фотография напоминает мне о счастливых днях, оставивших большой след в моей жизни. Я только-только вернулась из поездки в СССР с поездом дружбы, пришла на работу, а меня все поздравляют: «Ты будешь делегатом восьмого съезда партии».

На первом же заседании съезда меня избрали в президиум. Представляете, какие чувства охватили меня! Я сидела рядом с руководителями нашей республики, со знатными тружениками, с посланцами социалистических стран...

В эти дни, готовясь к 25-летию ГДР, я и мои друзья по работе, все мы единодушно отмечаем: решения восьмого съезда СЕПГ — важная веха в жизни нашей республики. Они стали для нас поистине путеводными, сегодня это ощущает каждый из нас.

Ирмгард ЛЕММ, работница комбината «Электроаппаратеверк»

Материал подготовил Карл-Георг АЙКЕНЕГЕР. Журнал «Фрайе Вельт».

МУНИСТЫ

1

2

3

4

5

6

7

8

ЧУДО НА О

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

— Вы здесь впервые?

Я даже как-то внутренне вздрогнул от столь неожиданного вопроса спутника. Будто он угадал мысли гостя, раздумчиво поглядывающего на гладь реки, что пролегла мирной границей между двумя социалистическими государствами. Я коротко ответил «нет» и не стал уточнять: «Впервые после весны сорок пятого...»

До встречи с Эрихом Марковичем, генеральным директором гигантского народного предприятия, объединяющего несколько металлургических и листопрокатных заводов, оставалось более часа, и мне предложили посмотреть город Эйзенхюттенштадт, а потом поехать на Одер, к самой границе с Польшей: «Это совсем рядом. Увидите и наш древний Фюрстенберг. Теперь он присоединился к нам на правах района...» Минуя этот маленький городок, когда-то славившийся корзинщиками и стеклодувами, мы выехали к Одеру.

...Знойный полдень. Кругом тихо, безлюдно. Граница. Лишь слышно, как в кронах деревьев перекликаются пернатые оркестранты. Идиллия! Но если внимательно посмотришь под ноги, то обнаружишь, как высокая трава словно изумрудным паласом укрыла остатки мощных долговременных огневых укреплений: сколько надежд возлагал на них Гитлер!

...Война. Ее не забыть. Она будоражит душу и память то старым фронтовым блокнотом военного корреспондента, то пожелтевшей фотографией, то взахлеб прочитанными мемуарами полководца. Или как сейчас, здесь, на крутом берегу реки...

Широкий и полноводный Одер! Неторопливо плывут огромные баржи, груженные польским коксом, лихо мчатся изящные «Ракеты» с туристами, смотрятся в воду березки и безоблачное высокое небо над ними. Но в памяти того, кто был тут весной сорок пятого, река эта навсегда осталась окутанным пороховым дымом водным рубежом, который был взят дорогой ценой — ценой жизни советских солдат. И мысленно я переношусь сейчас на правый берег, где наши войска готовились форсировать Одер, брать штурмом крепость Кюстрин, объявленную гитлеровцами неприступной. Я помню день, когда в штаб пришла радостная весть: Кюстрин пал! Кажется, тогда же давал свои показания взятый в плен гитлеровский офицер из полка, оборонявшего Кюстрин. Когда ему сказали, что над главным равелином Кюстрина реет красное знамя, он не поверил: «Нет, нет! Чудес не бывает». А чудо свершилось. В те весенние дни я писал в газету Военно-воздушных сил Советской Армии о бесстрашии летчиков маршала авиации С. Руденко, помогавших с воздуха тем, кто на земле штурмовал Кюстрин и знаменитые Зеловские высоты.

Кто бы мог подумать тогда, что здесь, на берегу той же реки, я услышу еще об одном чуде на Одере,— цепная реакция накрепко связанных друг с другом исторических свершений!

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА ЖИЗНИ

Моему собеседнику Карлу-Гейнцу Цигеру за семьдесят. Ветеран металлургического комбината в Эйзенхюттенштадте, он сейчас возглавляет здесь научно-техническое общество. Грузный, широкоплечий, круглолицый, с озорными глазами и резкими движениями, он попыхивает сигарой и громовым голосом обрушивает на гостя каскад дат, справок, фактов. И, конечно, комментарии к ним. В них чаще всего звучит слово «первый».

— В августе пятидесятого покой дремавшей тут пустоши нарушил грохот советского бульдозера — первой машины, появившейся в этом царстве лис и зайцев. В первый день пятьдесят первого года заложили фундамент первой домны, а девятнадцатого сентября она дала первый чугун...

Короли угля и стали Западной Германии были ошеломлены. В свое время они пытались насильно навязать ГДР свои услуги. Республика отказалась от их жестких условий, смахивавших на политический шантаж. К тому же на стройку первой домны они требовали два года. А нужда в металле была очень острая. Соотношение же сил было таково: 120 доменных печей на западе Германии и только 4 — в ГДР. Республике предрекали экономический крах.

— На помощь пришли друзья, советские специалисты,— вспоминает Цигер.— Академик Бардин, инженеры Михалевич, Шульгин... Их тут знали все, поименно и в лицо, их помнят поныне... В пятьдесят первом свершилось то, что западные журналисты окрестили чудом: за восемь месяцев мы ввели в строй первую домну, к концу года — вторую. Поверьте старому металлургу, много повидавшему на своем веку,— да, свершилось чудо!..

Это сказал человек, действительно много повидавший. Он из тех старых немецких инженеров, что когда-то верно служили военной индустрии Гитлера.

— В тридцать пятом я впервые встретился с людьми из того мира, на который была обращена вся мощь фашистской пропаганды. В Оберхаузен, где я работал на металлургическом заводе, приехали советские инженеры — покупать толстый лист. Вторая встреча с советскими людьми состоялась через десять лет, во Фрейберге, в Горной академии, на кафедре моего учителя, профессора Маурера — это наш немецкий Бардин. Я уехал из Рура, чтобы быть рядом с ним. Мне казалось, что он лучше знает, по какую сторону баррикад следует стоять в это трудное для нас, немцев, время. И не ошибся. Во Фрейберге я близко познакомился с советским офицером Ефимовым, опекавшим по поручению военной комендатуры нашу академию. Позже я увижу его в Эйзенхюттенштадте, он будет моим дорогим гостем. А тогда... Как бы это вам сказать... Никогда еще не испытывал я такой сумятицы мыслей и чувств. Я не совсем представлял, какой она будет, новая Германия, о которой так горячо говорил советский офицер, и где мое место в ней. Много вопросов оставалось без ответа, пока рядом не появился старый немецкий коммунист Эрих Маркович. Маурер учил варить металл, Маркович — строить жизнь. Я ушел из академии на завод «Максхютте», где Маркович был начальником отдела кадров. Это был удивительный начальник отдела кадров. Иногда до поздней ночи он беседовал с нами, старыми специалистами, говорил о том, ради чего люди должны жить на земле, о социализме, о мире, где человек человеку брат и друг.

...Слушаю старого немецкого инженера Цигера, вспоминаю недавние беседы с заместителем директора комбината, потомственным шахтером Отто Вестхоффом, и встает передо мной картина, от которой веет романтикой Магнитстроя тридцатых годов. И сюда, на Одер, с разных концов республики прибывали отряды юных энтузиастов с путевкой Союза свободной немецкой молодежи и с верой в торжество новой жизни. По ночам звенели веселые песни у лагерных костров, а на рассвете продрогшие ребята выбегали из палаток, чтобы согреться там, где роют котлован. Стройка знала своих героев. Был среди них «вожак синеблузников», «несгибаемый Зигфрид» — Зигфрид Граупнер. В приодерскую пустошь он пришел с ударной молодежной стройки плотины Зоза, а отсюда, с металлургического комбината «Ост», отправился в низовья Одера сооружать нефтехимический комбинат «Шведт». Уже давно советская нефть по нефтепроводу «Дружба» поступает в его цеха. Потом Зигфрид перекочует на стройку атомной станции, чтобы стать там заместителем начальника строительства...

Но среди тех, кто воздвигал домны и прокладывал трассы будущих улиц Эйзенхюттенштадта, были не только энтузиасты. Тут оказались и авантюристы, люди, полные злобы, отчаяния, и явные недоброжелатели, отравленные ядом неофашистской пропаганды, зерна которой падали на почву, возделанную еще гитлеровцами. Нехватка гвоздей порой возводилась в политическую проблему. Одни говорили: «Партия правильно учит: станем больше трудиться, будем лучше жить, ведь сами теперь хозяева». Другие хныкали или иронизировали: «Слышишь, Ганс, ты будешь хозяином металлургического завода. Как тебе это нравится? А ты, Гюнтер,— министром иностранных дел, ты же у нас «дипломат»...» И, бросив лопату на землю, рыжебо-

родый детина весело гоготал. Он и не подозревал, что пройдет год-другой, и бывшего строителя, горнового Гюнтера Прильвица новые хозяева страны пошлют в Женеву на конференцию министров иностранных дел, чтобы от имени трудящихся республики он потребовал заключения мирного договора с Германией...

Случалось всякое: и поджоги, и диверсии, и провокации, и бегство специалистов на Запад.

— Вместе со мной,— вспоминает Цигер,—работали профессор Зедлачек и инженер Кёниг. Старые, опытные, известные в Германии металлурги. Когда-то мы были коллегами, даже друзьями. В Эйзенхюттенштадте жили рядом, иногда по вечерам собирались вместе. Нам становилось все труднее понимать друг друга. Эти люди думали одно, говорили другое. И однажды вечером я сказал им: «Простите, господа, но нельзя сидеть сразу на двух стульях. Надо выбрать для себя то, что вам по душе». Кёниг вызывающе спросил: «А ты выбрал?» Я решительно ответил: «Да». Вскоре Кёниг сбежал на Запад. А вслед за ним и Зедлачек. Я несколько раз ездил в Западную Германию, и бывшие коллеги уговаривали меня остаться с ними. Они допытывались: «Неужели ты серьезно веришь, что у них, у коммунистов, что-нибудь дельное получится?» Я ответил: «Да, верю». «Ты коммунист?» «Пока нет. Но буду. Обязательно...»

В 1951 году, в год пуска первой домны, Цигера приняли в партию.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Я рассказал о своем разговоре с Цигером генеральному директору комбината Эриху Марковичу и спросил: «Вам трудно пришлось с такими?» Он ответил: «Трудно. Таких, как Цигер, в ту пору было много, а коммунистов мало!»

...Эриху исполнилось шестнадцать, когда он, сын рабочего, стал коммунистом. Это было в Гамбурге в 1929 году. «По уставу принимали только с восемнадцати лет, но я, кажется, чем-то заслужил...» И на мгновение улыбка скользнула по нахмуренному лицу невысокого, крепко сбитого человека. Был докером, помощником кочегара, месяцами мыкался без места, но всегда оставался на активной партийной работе. В 1933 году его впервые схватило гестапо. Тюрьма, концлагерь, недолгая свобода. И снова тюрьма, концлагерь. Так все 12 лет, до весны сорок пятого, когда член подпольного антифашистского комитета в Бухенвальде, немецкий коммунист Эрих Маркович плечом к плечу с русскими, поляками, чехами, французами бесстрашно ринулся на ощетинившиеся пулеметами сторожевые вышки концлагеря.

Пройдут годы, и бывший узник Освенцима Эрих Маркович поедет на Запад, во Франкфурт-на-Майне, в качестве свидетеля обвинения на судебный процесс военных преступников из концерна «Фарбениндустри»: они строили близ концлагеря химический завод, бесчеловечно используя труд заключенных. Тысячи и тысячи уничтоженных узников Освенцима — и на их совести.

...Гневно звучит обличительная речь Марковича, свидетеля тех страшных злодеяний. Но едва он умолк, как взял слово адвокат эсэсовцев и истошно завопил: «Я требую немедленно арестовать господина Марковича, как представителя незаконно существующей ГДР. Он отвечает за ее политику!»

Да, он отвечает за ее политику! И тем гордится. Маркович говорит об этом убежденно, твердо.

Построенные здесь домны, прокатный стан — это символы интернациональной политики наших партий, все более и более эффективной координации усилий социалистических стран.

Он говорил о шести домнах, воздвигнутых в поразительно короткий срок и получающих с первого дня своего рождения советскую руду и польский кокс.

— Когда мы начинали стройку, над нами глумились магнаты Запада: «Немецкие коммунисты вместе с русскими большевиками хотят на задворках Германии, в захолустье, создать новый Рур! Фантазеры!»

Маркович восторженно рассказывал о гигантском цехе холодного проката, спроектированном советскими людьми, воздвигнутом при их самом активном участии:

— Я хочу подчеркнуть, что оборудование, поставленное СССР,— на уровне мировых стандартов. Кстати, цех этот — имени германо-советской дружбы.

Генеральный директор говорил о горячекатаных листах стали, что идут сюда из Караганды и Новолипецка, о немецких инженерах и рабочих, проходивших школу освоения новой техники на Череповецком металлургическом комбинате; о советских специалистах, которые почти два года трудились здесь, на Одере.

— ГДР не имела своей холоднокатаной тонкой листовой стали, столь необходимой для строительства машин, автомобилей. Мы вынуждены были импортировать ее,— продолжал Маркович.— Когда вступил в строй цех холодной прокатки, в СССР пошли машины с нашим тонким листом. Интеграция в действии! У нас есть соглашения о разделении труда, о научно-техническом сотрудничестве со многими институтами и заводами социалистических стран. Когда мы начинали сотрудничать с Череповецким металлургическим комбинатом, я очень подружился с директором — Владимиром Алексеевичем Ванчиковым.

— Вам большой привет от него. Я беседовал с ним перед отлетом в Берлин... Теперь он заместитель министра.

— Знаю, знаю.

— Владимир Алексеевич немного обижен на вас: были недавно в Москве и не заглянули к нему в гости.

Маркович, как бы извиняясь, развел руками и улыбнулся:

— В Москве мне всегда не хватает времени...

И стал вспоминать, как Ванчиковы приезжали к нему сюда, проводили здесь отпуск, а потом Маркович с женой отправились отдыхать в Череповец.

— Когда вместе с другом собираешь грибы или варишь уху, легче решать самые сложные проблемы.

Директор не стал утруждать гостя подробностями специального характера. Но многое мне уже было известно из беседы с В. А. Ванчиковым. Подчеркивая несколько стершиеся слова «взаимное сотрудничество», он подробно рассказывал об использовании опыта немецких друзей в освоении производства электротехнических сталей, эмалированной посуды. «Когда на одном из заводов комбината я познакомился с полностью автоматизированным производством эмалированной посуды, то тут же решил, что потребуются серьезные коррективы в проекте такого же цеха у нас в Череповце... Немецкие друзья помогли нам внести эти коррективы».

ХОЗЯЕВА

Американский журнал «Лук» опубликовал репортаж об Эйзенхюттенштадте, о «стальном комплексе», директором которого стал бывший гамбургский докер. Корреспондента привело в восторг то обстоятельство, что Маркович разговаривал с ним по-французски. «Вероятно, господин директор воспитывался в лучших колледжах довоенной Германии». Американец не знал, что этими «колледжами» были концентрационные лагеря, что французский язык Маркович выучил в пору совместной подпольной работы с французами.

Корреспондент «Лука» сообщал также читателям, что «маленький, юркий главный менеджер огромного стального комплекса в Эйзенхюттенштадте показался ему нетипичным для социалистического рабоче-крестьянского государства», что этот человек «достиг бы таких же высот в Питтсбурге или Нью-Йорке». С этим Маркович решительно не согласен. Он сказал тогда американцу, пытавшемуся понять, кто теперь «менеджер» в ГДР: «Вы спрашиваете, кто я? Отвечаю: я коммунист». Он типичный директор социалистического комбината в социалистическом государстве, где, по выражению Марковича, «выплавка металла не самоцель, а средство к достижению благополучия тех, кто его выплавляет». И никогда бы он не достиг «тех высот», если бы не партия, воспитавшая его, если бы не народ, окрыливший его, если бы не тысячи рабочих комбината, соратников его, каждый из которых чувствует себя здесь полноправным хозяином.

Хозяева! Я встречался с ними в цехах, где царила предпраздничная атмосфера — люди готовились отметить 25-летие своей республики новыми победами в труде. Секретарь парткома Клаус-Олаф Гюттель рассказывал мне о высоких обязательствах коллектива, в котором тон задают 2 300 коммунистов и 2 500 комсомольцев. А потом я беседовал с молодым рабочим Хорстом Глизе, сыном каменщика, строившего город и комбинат. И он не раз подчеркивал: «Мой участок... Мой цех... Мы решили...»

ТРИ ЛИСТКА КАЛЕНДАРЯ

Мне предстоит приятная миссия — передать приветы немецких товарищей из Эйзенхюттенштадта их друзьям в Москве, Ленинграде, Череповце. В моем блокноте адрес Н. Кюнга, вместе с которым Эрих Маркович томился в Бухенвальде. И просьба Петера Шпера передать в Череповец привет Юрию Комисарчику. У нас оказались общие друзья с Вальтером Гюнтером — они вместе учились в Московском институте стали. А супруги Лоозе шлют привет ленинградцам. В той же самой аудитории, где студент Ленинградского политехнического института Лоозе защищал диплом инженера, он недавно защитил и кандидатскую диссертацию. Жена его, Марина Александровна, ленинградка, окончила тот же институт.

...На обратном пути в Берлин, в Зелове, нашу машину неожиданно остановили полицейские. Что случилось? Объезд! Сегодня на Зеловских высотах, у монумента советскому воину-освободителю, у могил наших солдат, штурмовавших эти высоты, большой митинг дружбы. Гремят оркестры, реют знамена над строем солдат — немецких, советских, польских. Я слушаю речи ораторов, всматриваюсь в лица солдат и горожан и думаю о чуде на Одере, о единстве трех листков календаря: 8 мая — День освобождения Германии, 9 мая — День Победы, 7 октября — День провозглашения ГДР.

ЗДЕСЬ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ ГЕРМАНИИ

Новелла ЦВЕТКОВА,
Фото А. НАГРАЛЬЯНА
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Наш самолет «ИЛ-18» следует в Берлин. Время полета — два часа тридцать минут. Счастливого пути, товарищи пассажиры!» — объявила бортпроводница. Я снова лечу по знакомому маршруту. В аэропорту Шёнефельд меня уже ждут друзья, и я получу таможенную декларацию, где на вопрос «причина въезда в страну» напишу: «служебная командировка». В этой командировке мне предстоит вернуться в прошлое, к строчкам, записанным в блокнот три года назад. Вот они, эти строчки: «Иккермюнде. Ночной разговор с Карин. Отец и дочь говорят на одном языке и — чужие. Несовместимость».

...В памяти возникает немецкий городок у Балтийского моря. Тихие, заросшие травой улочки. Ветер раскачивает сосны на песчаных дюнах. Но если бы вдруг понадобилось узнать, где в ГДР лучше всего знают советскую Киргизию, первое место за Иккермюнде. Я берусь это утверждать, хотя прожила здесь всего один день. В тот самый день я и познакомилась с моей коллегой из берлинского журнала, светловолосой Карин. Нас обеих привело сюда редакционное задание — рассказать о встрече этого города с человеком, который после освобождения Иккермюнде от фашистов стал первым его комендантом. Махмуд Гафаров живет в городе Фрунзе. В своей квартире он устроил маленький музей Иккермюнде. Здесь хранятся письма, полученные Гафаровым от пионеров, рабочих и старых друзей из немецкого городка, и подарки, которые они ему присылали. Двадцать лет прошло, прежде чем случай соединил их снова. С той поры они жили интересами друг друга — комендант Гафаров и город Иккермюнде. «Посмотри, сколько у Гафарова здесь родственников!» — сказала Карин. Она нашла правильное слово. Не было здесь никаких делегаций — были родственники, которые обнимались на наших глазах. А потом все вместе мы отправились на завод, в бригаду германо-советской дружбы, членом которой состоит и Гафаров. Улучив момент, Карин подошла к бывшему коменданту: «Скажите, какие перемены здесь вам кажутся самыми важными?» «Самое важное? — он чуть помедлил, обернулся в сторону своих давних друзей, таких же седоголовых, как он сам.— Главное — это то, что за эти годы обновилась душа народа! Я-то помню ее искалеченную фашизмом. Многие не верили тогда, что будет новая Германия и новые немцы. А теперь вот они — это мои «старики», стойкие антифашисты, коммунисты, которые начинали новую жизнь. И вы, молодое поколение, которое продолжает их дело!».

...Поздним вечером добрались мы, наконец, до местной гостиницы. Нам с Карин достался один номер. В ту ночь я услышала историю этой немецкой девушки. Она родилась в фашистской Германии, а в школу пошла уже в ГДР. Как и все ее сверстницы, была сначала пионеркой, потом членом Союза свободной немецкой молодежи. Училась в школе, мечтала об институте, и вдруг появился человек, который сказал: «Это все тебе не нужно! Забудь все, чему тебя тут научили, и поедем со мной в настоящую Германию!» Это был ее отец, который в трудные дни уехал в Западную Германию. Она сказала ему: «Моя родина здесь, и только здесь я могу быть счастливой!» Он присылал посылки с модными вещами, которых тогда не было еще в ГДР. «Счастье — когда много красивых вещей»,— писал отец. «Счастье — когда ты нужен людям и они нужны тебе»,— отвечала дочь.

— А дальше? Что было дальше?— спросила я.

— Медики говорят о несовместимости тканей... А ведь есть несовместимость мировоззрения, психологии, образа мыслей. Я рассказала о себе, но, поверь, точно так чувствуют себя при встрече со своими западными родственниками почти все жители нашей республики. Правильно сказал бывший комендант Иккермюнде: мы — новые немцы.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ, РАССКАЗАННАЯ УЧИТЕЛЕМ ГОРОМ

— Вы учились в 93-й московской школе? Тогда ведь еще не было спецшкол. А кто у вас преподавал немецкий? — ласково спросил меня учитель Гор, и я чуть было не ответила: «Мармиха». Так ласково мы звали нашу учительницу Марию Михайловну Зуеву. Страстная поклонница Гёте, она ставила пятерки только тем, кто знал его стихотворения, хотя и не блистал в грамматике.

— Ну, ну,— добродушно посмеивается учитель Гор,— представляю, что рассказывают теперь обо мне мои бывшие воспитанники!

— А сколько человек вы научили русскому языку?

— Да за двадцать восемь лет, наверное, наберется целая армия!— весело отзывается он.

Двадцать восемь лет назад. Так это же было сразу после войны!

...Стоял конец февраля 1945 года. Батальон, в котором служил восемнадцатилетний солдат Хорст Гор, отступал на запад. Еле передвигая стертые в кровь ноги, Хорст брел вместе со всеми, стараясь отогнать мысли об отце и матери. Они оставались там, в Берлине, разбитом бомбежками. Он мечтал только об одном — обогреться и уснуть. Офицеры гнали батальон без остановки, и когда в темноте раздались взрывы, Хорст, одуревший от усталости, так и не понял, что случилось. Он очнулся на земле и увидел незнакомое лицо. «Что, парень, живой? Держись, сейчас мы тебя отправим в госпиталь». «Зачем?» — шепотом спросил, не зная, что у него теперь нет левой ноги. Истекающий кровью солдат лежал на нестерпимо холодной земле, а майор, его командир, грязно ругаясь, орал, что не позволит пачкать кровью свой автомобиль и что ему нет дела, сдохнет этот парень или выживет. Что было дальше, Хорст узнал уже в госпитале. Оказалось, что большая часть батальона погибла на поле, заминированном эсэсовцами, а его самого товарищи все-таки отправили в госпиталь на машине майора, пригрозив тому пистолетом.

Потянулись дни страдания, одиночества и тоски. Рядом с Хорстом лежали изувеченные солдаты, в большинстве его ровесники из семей лавочников и зажиточных крестьян. Озлобленные, затравленные, они ненавидели всё и всех, но больше всего страшились встречи с русскими, с коммунистами. Сыну берлинского

Росток. На выставке достижений народного хозяйства.

Участница Недели Балтийского моря.

Эйзенхюттенштадт. Металлургический комбинат. Электромонтер Вольфганг Артнер поддерживает связь с цехами по радио.

Вдоль дороги...

На развороте вкладки:

Трептов-парк... Памятник, который знают люди всего мира.• Александерплац, центр Берлина. Часы, показывающие время в Москве и Париже, Лондоне и Каире, Вене и Токио...• Счастье, радость, гордость республики.

25
DDR

IRKUTSK
ULAN BATOR
19
20
21
22
PEKING
HANOI
MANILA
TOKIO

23 24
MELBOURNE
SYDNEY
AND

IFA

рабочего Хорсту Гору будущее представлялось очень туманным, но он не боялся этой встречи. Хорст и его старший брат еще мальчишками не раз слышали рассказы отца о Ленине и Советской стране. Отец был из левых социал-демократов и тайно сотрудничал с коммунистами.

Известие о капитуляции застало Хорста в госпитале. Он оказался на территории английской зоны. Однажды в палату явился щеголеватый офицер британской армии. Его интересовали настроение раненых и их дальнейшие планы. «Прошу дать мне какие-нибудь русские книги, я хочу изучить этот язык»,— сказал ему Хорст. «Русский язык?— Офицер посмотрел на него с откровенным удивлением.— Ты что же, хочешь в советскую зону?» «Я хочу домой, в Берлин». «А ты знаешь, что там с такими, как ты, не церемонятся?» «Я вернусь туда,— упрямо твердил он,— там моя семья, мой дом».

Русские книги ему все-таки дали, а первым учителем Хорста стал один раненый югослав. Триста пятьдесят пять дней в госпитале — за это время о многом успеешь подумать и многое понять. Главное, что хотел он понять,— кто они, эти советские люди? По каким живут законам? Книги по бухгалтерии на русском языке, которые он держал в руках, ничего не объясняли. И все-таки, когда настал срок, он заявил, что возвращается в советскую зону. За ворота госпиталя они вышли вдвоем с одним парнем в старых, истрепанных солдатских шинелях, без гроша в кармане. Пешком добрались до пограничной зоны. Там их остановил патруль и доставил в советскую военную комендатуру. Молодой офицер говорил с Хорстом строго: «Кто такой? Откуда? Где родные?» Услыхав его историю, смягчился: «Так что же ты бродишь в этой поганой форме?» Их переодели, накормили. Прощаясь, офицер достал из бумажника деньги и протянул Хорсту: «Возьми, это вам обоим на дорогу». Что творилось тогда в душе бывшего солдата вермахта! Ведь это был первый русский, которого он встретил и который имел полное право не заметить ни его голодного лица, ни его тяжелого ранения, а офицер отдал им, немцам, свои деньги!

...Дома мать обняла его со слезами: «Сынок, нас обманули: твой старший брат не умер в госпитале, как нам сообщили. Его расстреляли еще в конце сорок первого года за то, что он был против этой проклятой войны!» Отец выслушал рассказ сына спокойно. «С тем, что было, покончено навсегда,— сказал он.— Я уже старик, а ты хотя и ранен, но молод. И вам создавать новую Германию».

Хорст начал работать. Однажды вечером к ним в дом заглянул член районной организации Коммунистической партии Германии. Посидел с полчаса, потолковал с отцом, а уходя, сказал Хорсту: «Мы знаем и тебя и твою семью, как людей честных. Человек ты грамотный, даже сам взялся выучить русский. Нам очень нужны сейчас такие люди. Если согласен — пошлем тебя на учебу и станешь учителем!»

И осенью сорок шестого года Хорст Гор уже шел в колонне новых студентов Университета имени Гумбольдта, которые несли лозунг: «Рабочие и крестьяне — в университеты!» На первой лекции он узнал — все учителя, состоявшие в нацистской партии, а их было 72 процента, уволены. Не хватало пятидесяти тысяч учителей, и потому студентам придется первую половину недели учиться, а вторую — учить ребят в школе...

Самые первые уроки оказались для Хорста Гора самыми трудными, но и самыми важными. За партами сидели вчерашние мальчишки из «гитлерюгенда» и каждое слово правды встречали в штыки. Но учитель не отступал и, когда не хватало педагогического опыта, просто рассказывал им о минном поле, где погибли такие же мальчишки, о своей первой встрече с русским человеком. Лед недоверия таял не сразу. Но все-таки таял!

Пришел день, когда директор школы сказал учителю русского языка: «Хорст, недавно создан Союз свободной немецкой молодежи. Твое место там».

Да, он читал в газетах о том, что в зале заседаний Берлинского магистрата коммунист Эрих Хонеккер, один из организаторов движения Сопротивления, члены Центрального антифашистского комитета молодежи социал-демократы Тео Вихерт и Эдит Бауман, молодые коммунисты Пауль Фернер и Гейнц Кеслер подписали документ о создании этой новой организации молодежи. Враги нового строя скептически отнеслись к ней.

Но уже спустя год Союз насчитывал в своих рядах 240 тысяч девушек и юношей. Среди них был и Хорст Гор, который стал секретарем ССНМ в своей школе.

Учитель Гор взглянул на часы.

— Пора, пожалуй, из прошлого возвращаться в настоящее! А настоящее — это мой восьмой класс. Одна девочка из этого класса в сочинении на тему «Каким я представляю свое будущее» написала: «Когда я стану совсем взрослая, уже не будет границ между социалистическими странами. Я хотела бы тогда жить в Киеве, а моим мужем будет русский парень. У нас будет двое детей — девочка и мальчик. Я буду врачом, буду лечить от болезней советских детей. А мой муж будет инженером и будет строить хорошие машины для ГДР».

Вот они теперь какие, наши ребята!

Мы помолчали. Пора было прощаться.

— У меня к вам одна просьба,— сказал учитель.— Позвоните, пожалуйста, директору 43-й московской школы, моему большому другу Борису Владимировичу Маркову, и передайте, что я все время думаю о нашем последнем с ним разговоре. Да, настала пора сделать еще один шаг вперед в дружбе между нашими школами. Это, конечно, хорошо, что группы ребят приезжают на каникулы друг к другу. А нужно, чтобы контакты расширялись и становились глубже. Мы могли бы пригласить целый класс этой московской школы на учебную четверть. А как полезно было бы, если бы мы могли обмениваться на такой же срок учителями иностранного языка! Я уверен, все это можно организовать. Нужно просто сделать еще один шаг вперед, и мы его сделаем непременно. Вместе!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ, ЗАПИСАННАЯ В «ДЕРЕВНЕ МОЛОДЕЖИ»

«Мы хотели бы побывать в «Деревне молодежи». Как туда лучше добраться?» Эта наша просьба поставила в затруднение даже бывалых журналистов из «Фрайе вельт». «Что за деревня? Чем она знаменита? И вообще откуда вы ее выкопали?» — спрашивали нас. Пришлось показать, откуда: в брошюре «Союз свободной немецкой молодежи», изданной в Дрездене к X Всемирному фестивалю, говорилось, что первым крупным молодежным объектом ССНМ стала «Деревня молодежи», которая была восстановлена на месте сожженной эсэсовцами деревни под Гроссенхайном и была заселена бывшими батраками и крестьянами-бедняками, получившими по земельной реформе собственные наделы.

И вот машина уже мчится по автобану в сторону Дрездена. Мы едем и гадаем, найдем ли тех, кто помнит, как творилась новая история этой деревни. Ведь минуло двадцать восемь лет... У последнего поворота нас поджидают четверо немолодых загорелых мужчин и девочка-подросток с гвоздиками в руках.

— Добро пожаловать в нашу «Деревню молодежи»!

Да, это оказались они, «ребята», которые в сорок шестом перевернули вверх тормашками привычный крестьянский мир.

— Народ тут, скажу я вам, крепкий! — Первый бургомистр деревни, а ныне партийный работник Харальд Мириш дождался, пока перед каждым из нас хозяйка «гастхауза» поставила на стол по кружке пива, и продолжал: — Ведь отчего здесь лютовали гитлеровцы? В апреле 1945 года в деревню вошла Советская Армия, и крестьяне встретили ее с надеждой — наконец-то будет покой. А через неделю появились части СС. Небольшой отряд советских солдат не смог бы отбиться, и офицер, желая избежать кровопролития, вышел с белым флагом, чтобы вступить в переговоры. Эсэсовцы застрелили его под окнами дома, где мы сейчас сидим... Пришлось отряду отступить. Вместе с ним уходили бывшие узники концлагерей. Тех, кто ослаб и не мог двигаться, крестьяне спрятали. Да, видно, кто-то предал. Едва эсэсовцы ворвались в деревню, кинулись рыскать по домам. Нашли всех и расстреляли за деревней. Сейчас там стоит памятник. На нем нет имен, потому что никто не успел узнать, кто эти люди. Знали только, что среди них были русские, поляки, чехи и французы. А второго мая деревню освободили вторично. Только теперь здесь были дымящиеся развалины: фашисты выгнали жителей из домов и спалили деревню дотла.

О том, что произошло дальше, они рассказали по очереди, перебивая друг друга, вспоминая имена тех, кто давным-давно уехал из этих краев. Петер Франке, например, прежде руководил в округе организацией Союза молодежи, а теперь ректор Педагогического института в Цвиккау. Хорст Рене редактирует партийную газету в Котбусе. А с Гансом Гросом можно встретиться в Берлине, в Центральном правлении Общества германо-советской дружбы. Сбылись слова первого президента ГДР Вильгельма Пика, который дважды приезжал сюда и говорил этим ребятам, что, когда они закончат строительство деревни, их ожидает большая и ответственная работа.

Сто двадцать юношей и девушек откликнулись тогда на призыв коммунистов Гроссенхайна и антифашистского комитета. Они приехали сюда, на пепелище, чтобы построить новую деревню.

— Этот «гастхауз», чудом уцелевший, стал нашим штабом и общежитием. Здесь по вечерам шли горячие диспуты о том, какой будет новая Германия. Здесь изучали мы ленинские работы, читали вслух знаменитый роман Николая Островского. Здесь же чаще всего терзали меня наши ребята: «Мириш, где взять стройматериал?» «Глину?»

Все улыбаются, вспоминая терзания плотника Мириша, который был уже тогда лицом ответственным — ребята выбрали его в комитет Союза молодежи деревни.

Гвозди они делали деревянные. Глину разыскали в нескольких километрах и перетаскали на себе. А вот с цементом и кровлей дело было плохо. Нужны были деньги. А где их взять? Что же, останавливать стройку? Ни за что! И ребята из молодежного добровольного стройотряда стали разучивать танцы. Да, да, они учились танцевать, эти полуголодные, усталые девчата и парни! Потом они разучили несколько пьес, и первый в этих местах народный театр был создан. Он пользовался успехом у жителей окрестных селений и помог построить многие дома в этой деревне.

Четыре года и шесть месяцев шла стройка. 6 сентября 1950 года она завершилась. Этот день стал днем рождения «Деревни молодежи» — так решили ее назвать крестьяне.

— Как раз тогда и случилось самое важное событие в моей жизни,— вспоминает Харальд Мириш,— меня вызвали в Дрезден, в окружной комитет партии: «Как ты смотришь на то, чтобы стать бургомистром вашей деревни?» Я опешил. «Ну какой же из меня бургомистр. Я ничего не умею...» «Научишься. Сколько тебе лет?» «Двадцать!» «Э, маловато, брат. По закону бургомистру должно быть не меньше 21 года. Ну да ничего, рабочая власть пойдет нам навстречу». Потом из Берлина пришло разрешение, и я стал самым молодым бургомистром в республике.

Вскоре в ГДР появились первые сельскохозяйственные производственные кооперативы. Первым председателем местного кооператива стал Вальтер Фишер. Он родился тут в семье малоземельного крестьянина и знал всех напере-

---

Самое высокое здание Ростока — отель «Нептун».

На эстраде.

Парадный выезд детского сада.

Петра Гэльце и Гудрун Вюсте — ученицы 11-го класса. А познакомились мы с ними на автозаводе в Людвигсфельде — они проходят здесь производственную практику.

Морские ворота ГДР.

чет. Знал тех, пятерых, которые первыми в деревне объединили свои пашни и стали называться «новые крестьяне», и тех, кто баламутил самых осторожных: «Да разве же эти молодые понимают землю?»

Седой, широкоплечий, чуть грузный Вальтер Фишер и сегодня возглавляет кооператив. Он вспоминает:

— Тридцать шесть единоличников оставалось в деревне. Все смотрят в разные стороны. А кто одним глазом на Запад. Как пришел в деревню первый советский трактор, сбежались смотреть все. Поля наши для него были маловаты. Тогда на всю страну гремели имена тех, первых трактористов. Самым знаменитым был, пожалуй, Бруно Кислер...

Теперь он заведует отделом сельского хозяйства в ЦК СЕПГ. В Берлине мы встретились с ним, и он рассказал, как в сорок девятом году он, рабочий паренек, коммунист, сел впервые за штурвал трактора. Это был КД-35 Липецкого завода. Точно такой же пришел и в «Деревню молодежи». Это было начало. А теперь!

— У нас говорят: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать»,— сказал председатель. И мы поехали. Сначала по деревне, где живет 270 человек. «Запишите: на 80 домов приходится 30 легковых машин и мотоциклов!» — просит новый бургомистр Вольфганг Лешель. Мы объехали поля и животноводческие фермы. В начале этого года кооператив объединился с двумя другими из соседних деревень. «Наша специальность — животноводство и полеводство,— объясняет Фишер.— Сеем в основном советские сорта «Кавказ» и «Мироновскую».

...Перед отъездом мы посидели в маленьком сквере, он разбит на том самом месте, где 29 лет назад упал, сраженный пулей фашистов, молодой советский офицер, который хотел спасти эту немецкую деревню от разорения. Теперь здесь стоит скромный памятник, похожий на раскрытую книгу. Здесь и записана вся история, которую мы услышали в «Деревне молодежи».

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ, УСЛЫШАННАЯ В РОСТОКЕ

В Ростоке мы попали на традиционную «Неделю Балтийского моря». Здесь, на Выставке достижений народного хозяйства округа, я записала коротенькое интервью с девушкой и парнем в синих блузах Союза свободной немецкой молодежи, в рядах которого уже миллион девятьсот тысяч человек. Девятнадцатилетняя монтажница Эвелина Финк и 25-летний инженер Гернот Фамбергер демонстрировали экспонат, отмеченный тремя синими буквами «М».

— Что означает эта эмблема?

— «Изделия Мастеров завтрашнего дня». Так у нас в ГДР называется массовое движение молодых изобретателей и рационализаторов среди рабочих, студентов и молодых инженеров. Мы помогаем таким образом государству решить важные народнохозяйственные задачи.

— Расскажите о вашем экспонате.

— Это сигнальное устройство для кораблей. В случае пожара прибор дает сигнал, и электроника автоматически вводит в действие противопожарные средства. Его сконструировала группа молодежи Ростокского предприятия судовой электроники. Нас было 13 рабочих и техников и 3 инженера.

— Каков экономический эффект вашего изобретения?

— Мы посчитали, что при эксплуатации в течение двух лет оно даст экономию примерно в 18 тысяч марок!

— Ну, а вы лично что получили?

— Каждый из нас — премию в пятьсот марок. Но важно и другое: мы все имеем возможность показать, на что мы способны. Вчера у нас был настоящий праздник: впервые прибор такого типа был поставлен на корабле, сделанном для Советского Союза.

— Попытайтесь представить себя в такой же ситуации на месте вашего ровесника на таком же предприятии, ну, скажем, в Гамбурге...

Инженер Фамбергер задумывается. Потом отвечает:

— Очевидно, и в Гамбурге люди делают такую же работу. Но только каждый озабочен собственным успехом, а до остальных ему нет дела. Любое изобретение там дает прибыль предпринимателю, и оно в конце концов оборачивается во зло большинству рабочих и тому же инженеру, который потеряет свое место, если в следующий раз окажется менее удачлив. У нас мотивы совсем другие. Наш труд пойдет на пользу предприятию, а чем оно богаче, тем богаче и мы сами!

— Богаче?

— Ну конечно! Ведь на средства завода построен наш спортклуб и клуб молодежи. Дирекция оплачивает наши туристические поездки, выделяет средства на ремонт квартир для молодых семей.

— А если нужно купить что-нибудь солидное,— добавила Эвелина Финк,— например, мебель или моторную лодку, мотоцикл, можно получить ссуду и вернуть ее, когда будет возможность...

Вокруг нас уже собралась толпа: посетителей выставки, видимо, заинтересовал наш разговор.

Представитель окружной организации ССНМ подарил нам альбом с подробнейшим описанием всех 395 экспонатов с табличкой «МММ». Несколько данных я записала: «За два последних года в движении «МММ» участвовал миллион человек. Каждый третий экспонат XVI смотра достижений молодых изобретателей и рационализаторов был создан на основе советского опыта или в сотрудничестве с комсомольцами».

...Ветер с Балтики развевает знамена у входа в павильон. Ярко-синие рубашки с эмблемой Союза на рукаве. Карие, голубые, серые, веселые молодые глаза. Новые немцы... Я листаю подаренный альбом: «Мы берем слово — и нас слушают». «Мы совершаем дела — их видят все!»

Это написали они сами о себе. В год 25-летия республики. Время диктует людям свои законы. Младшие наследуют старшим. Так бывает в семье. Так происходит в обществе. Будущие поколения будут завидовать тем, кто впервые в истории построил на немецкой земле социализм. «Когда речь идет о ГДР, вы должны ясно представить себе: здесь бьется сердце Германии»,— сказал известный немецкий писатель Арнольд Цвейг. Точнее не скажешь!

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Макс ШТЕНБЕК, член Немецкой Академии наук, лауреат национальной премии ГДР, золотой медали имени Ломоносова, председатель совета по научным исследованиям при правительстве ГДР, председатель комитета ГДР за безопасность в Европе

ВОПРОС. Вы принадлежите к числу видных представителей старой немецкой интеллигенции. Что за минувшие послевоенные годы особенно способствовало вашему формированию как ученого и гражданина ГДР?

Ответ. Моими учителями в высшей школе были известные немецкие ученые, среди них и Гейгер, тот самый, именем которого назван популярный во всех странах счетчик, определяющий степень радиоактивности. До 1945 года я работал в концерне «Сименс» и в конце войны руководил одним из его заводов. А до этого я выполнил немало важных научных ис-

ПОЭТЫ ГДР

Вольфганг ТИЛЬГНЕР

О ЛЮБВИ ПЕСЕНКА

Взвейся парусом легко,
Будь, как птица, высоко,
Как песок, стекай с ладони:
Я же близок, я родной.

Как волну, меня седлай,
Ветром жарким обдувай,
Штормом ринься на меня,
Но держись: ведь море я.

Перевод Ю. НОВИКОВА.

Фолькер БРАУН

В ТАКТ

На мой стол с хлебом, сыром и молоком
падает тень крана.
Я говорю — и цемент на губах, и рука
над бумагой дрожит в такт компрессору,
я после каждой строчки
гляжу за окно: как они там, стальные,
не обогнали меня?

Перевод В. КУПРИЯНОВА.

Карл-Хайнц ЯКОБС

ЭТО ОСТАНЕТСЯ

Когда меня и тебя не будет,
Останется это:
Солнечный огонь в июльском ветре,
Кусты на косогоре, что распускают почки,
На пляже глухой запах водорослей,
Красный платок у очага.

Когда мы будем летать над полями,
Ты — черный пепел, я — желтая пыль,
По лесу будут идти двое —
Бабье лето повиснет в усталой листве.

Хочешь жить в это время?
Лет через двести? Через полтысячу?
То, в чем еще сегодня сомненья — завтра
Счастливой реальностью станет.

Но что из того, что нас не будет!
Ведь многое, знаю, останется:
Солнечный огонь в июльском ветре,
Кусты на косогоре, распускающие почки,
На пляже глухой запах водорослей,
Красный платок у очага,
А ночью на холодных камнях улицы
Будет плакать покинутая девушка.

Перевод Ю. НОВИКОВА.

следований. Но я не очень задумывался над тем, кто и как практически использует их. Мне казалось, что наука — это самоцель, важно познать ее глубины, и ученому нет дела до того, кому служит это познание.

В начале тридцатых годов в соавторстве с коллегами я написал двухтомный учебник физики газовых разрядов. В 1935 году он был переведен на русский язык и вышел в СССР большим тиражом. Когда десять лет спустя я оказался в СССР, то убедился, что многие советские физики хорошо знают мою книгу и в какой-то мере даже считают себя учениками Штенбека. Но, по существу, это был процесс взаимного обогащения знаниями.

Решающее влияние оказал на меня академик Л. А. Арцимович. Мы много беседовали о роли ученого в обществе. Арцимович говорил откровенно, с открытой душой, и я понял, что рядом со мной не только талантливый ученый, но и большой друг, на которого можно положиться. Он помог мне постичь бесценную истину: наука не может быть самоцелью, она служит определенным интересам общества. Если перед этим обществом стоят прогрессивные цели, то и деятельность ученого прогрессивна. И это самое главное, чему научили меня коллеги в Советском Союзе. Уроки их усваивались не сразу, а в ходе большой исследовательской работы, которую я вел в СССР вместе с советскими и немецкими учеными.

В октябре сорок пятого года Арцимович передал мне приглашение на совещание видных представителей советской науки. На этом совещании шел разговор и о моем участии в решении ряда важных проблем, связанных с разделением изотопов урана. Я высказал тогда свои гипотезы и выразил готовность активно включиться в исследования советских физиков. Я отчетливо представлял значимость этих исследований: разделение изотопов урана — одна из первых ступеней к расщеплению атомного ядра.

Вспоминаю последовавшие затем наши дискуссии, в которых принимал участие вместе с академиками и министр В. А. Малышев, блестящий инженер.

Но вот настал день прощания с коллегами. Меня пригласили в Кремль и сказали: «Мы знаем, что вы много лет служили Сименсу. И не знаем, куда вы поедете сейчас — в ГДР или ФРГ? Наше отношение к вам самое доброе. Но нам, конечно, хотелось бы видеть вас в семье ученых ГДР. Там, в Рейнсберге, будет строиться атомная станция. Почему бы вам не принять участие в этом большом деле?».

...Я не сразу сделал выбор и два месяца метался между двумя мирами — ГДР и ФРГ. В ФРГ никто не сомневался: Штенбек вернется к Сименсу. А я усомнился. Я не мог не видеть, что там, на Западе, не до конца учли страшные уроки прошлого и что там все еще действовала идеология, груз которой я, кажется, уже сбросил. И я послал письмо шефу «Сименса». Оно сводилось к тому, что Штенбек хочет трудиться на благо ГДР. «Там я нужнее»... Были в том письме строки, подсказанные уроком, полученным в СССР: наука не самоцель, она служит обществу. Я отослал это письмо уже из ГДР.

Двое из числа моих бывших сотрудников, вместе с которыми я вернулся из СССР, пожелали остаться на Западе. Это их дело. И я не стал бы вспоминать о них, если бы... Эти двое знали суть одного моего исследования, выполненного вместе с ними в Советском Союзе. И они постарались, чтобы технологию, разработанную в СССР под моим руководством, смогли бы широко применить на Западе. И при том не раз отмечали, что в этом важном направлении Советский Союз опередил Запад на десять лет. Речь идет о разделении изотопов урана.

Вначале я поражался, возмущался. А потом угомонился. Чему удивляться, если однажды в Брюсселе ко мне подошел джентльмен, который даже не счел нужным скрывать свою принадлежность к органам спецслужбы США и без всякой дипломатии предложил: «Не возвращайтесь в ГДР. Вы не пожалеете...» Это случилось более десяти лет назад. Джентльмен, знавший обо мне больше, чем я сам, был из мира, где все покупается и продается. Совесть в том числе.

Вопрос. С трибуны VIII съезда партии товарищ Эрих Хонеккер от имени ЦК СЕПГ выразил благодарность и признательность ученым республики, в частности членам и сотрудникам Немецкой Академии наук, за их труд, за достигнутые успехи в области фундаментальных исследований, за то, что они проникли в неисследованные сферы, за их все более тесное сотрудничество с производством. Каков вклад в эти успехи лично Ваш, Ваших коллег, учеников?

Ответ. Я хотел бы прежде всего отметить, что за последние годы немецкие ученые внесли свой заметный вклад в исследовательскую программу «Интеркосмос», в разработку научных основ электроники, приборостроения. Мы гордимся успехами наших ученых, ведущих исследования в отдельных областях математики, физики, химии, биологии. Они многое сделали для повышения эффективности народного хозяйства. Наука ГДР, выполняя требование партии, оказывает год от года усиливающееся влияние на рост, структуру, мощь народного хозяйства республики. Радостно наблюдать, как органически сливается научно-техническая революция с преимуществами экономической системы социализма. Вместе со своими молодыми коллегами, учениками я был причастен к строительству первой нашей атомной станции — я занимался главным образом подготовкой молодых специалистов для этой станции. Потом руководил институтом Академии наук в Йене — мы много сделали для развития науки о лазерах. То был отличный пример сотрудничества ученых с заводом «Карл Цейсс».

С небольшой группой теоретиков мы значительно продвинулись вперед, решая такую проблему: почему некоторые звезды и планеты имеют собственное вытянутое магнитное поле, а другие, в том числе Луна, не имеют. Однажды к нам в институт приехал академик М. В. Келдыш. Он познакомился с нашими работами и сказал: «Если для ваших исследований потребуется спутник — дадим...» Спутник не потребовался. Мы выполнили исследования, имеющие практическое значение для будущих реакторов. Работы эти продолжаются совместно с советскими учеными. Действуем единым фронтом.

Вопрос. Нельзя ли подробнее об этом едином фронте, о путях интеграции в науке?

Ответ. Я, человек занимающийся организацией научных исследований в ГДР, особо остро ощущаю, как расширяются горизонты социалистической интеграции в науке. С благодарностью хочу отметить роль советских вузов, научных институтов в подготовке кадров молодых ученых ГДР. Я говорил об атомной станции. Из числа тех молодых людей ГДР, которых я привлек в Рейнсберг, многие учились в СССР. У нас и в науке и на производстве можно встретить немало молодых исследователей, получивших свои дипломы в вузах Москвы или Ленинграда. Научно-исследовательским бюро объединения радиотелевизионных заводов ГДР руководит профессор Клаус Тиссен, сын знаменитого нашего ученого — его хорошо знают и в вашей стране — Петера Тиссена. Клаус учился в московском институте, там же защитил диссертацию и, кажется, сейчас догоняет отца...

Очень плодотворно сотрудничество ученых ГДР и СССР в химической промышленности. Здесь особо зримо слияние научно-технической революции с преимуществами содружества социалистических стран. Рождаются новейшие установки, технологические процессы, которые могут быть реализованы лишь при больших капитальных затратах, в крупных масштабах, совместными усилиями. В течение нескольких лет в едином дружном научном коллективе немецких и советских ученых, инженеров разрабатывался проект уникальной установки «Полимер-50» по производству полиэтилена методом высокого давления. Сейчас группа немецких специалистов находится в белорусском городе Новополоцке, где эта гигантская установка выдала первую продукцию. А в эти же дни ваши специалисты продолжают помогать освоению техники на нашей атомной станции имени Бруно Лейшнера, построенной с помощью СССР.

Символом интеграции в науке стал Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Недавно заместителем директора этого института избран наш академик Карл Ланиус, талантливый физик, выросший в ГДР. Нас очень радуют успехи молодых. Нет для меня, старого ученого, большей награды, чем мой ученик, обгоняющий учителя. И я счастлив, что так много сил отдал воспитанию молодых. Подчеркиваю: воспитанию! Ибо я учил и учу их не только познавать неведомое, но и помогаю им осознать свою роль в обществе. Я хочу, чтобы мои ученики хорошо поняли то, что их учитель, к сожалению, усвоил с некоторым опозданием: наука не самоцель, она служит народу!

Пауль ВИНС

ГОЛОС ГОРОДА

Привет тебе, яростный, хриплый
и радостный,
Привет тебе, города голос!

Славлю хлопанье двери и звон
открываемых окон,
И песню трамвайного рельса, и речи колес,
И топот, и ропот шагов беспрестанных,
Быстрых, уверенных, четких, растерянных,
И тебя, шум листвы
В крохотном садике
Меж двух серых зданий,
Я славлю. Тебе мой привет!

Славлю смех ребятни, запускающей
новый волчок,
Голоса усталых приезжих,
Голоса этих женщин (как они окликают
друг друга из окон!),
И негромкий голос врача.
Я слышу приказы, рассказы,
случайные фразы,
Голоса твоих улиц и грозных цехов,
Эхо мощных заводов, эхо рыночных
сводов...

И тебе,
Счастливый и тихий
В невидимой комнате
Голос влюбленных,—
Тебе мой привет!
Я славлю звон колокольный в час
дымного вечера,
И ветреным утром — гуденье сирены.
Приливы, отливы толпы, и гром
демонстраций,
Голоса беспокойные, злые, нестройные,—

И брань, и хвала, и рассказ
про людские дела...
И тебе,
Безмолвный, но чистый
Голос младенца
У материнской груди,—
Тебе мой привет.

Привет тебе, яростный, хриплый
и радостный,
Привет тебе, города голос!
Тебе, моя жизнь!

Перевод Г. РАТГАУЗА.

Студенты отделения германистики университета имени Карла Маркса в Лейпциге. Справа налево: Яна из Вильнюса, Зина из Поволжья, Вита из Куйбышева, Карамфилка из Софии, Ивонна из Польши и Эвелин из Софии.

РУССКИЕ ДОЧЕРИ ФРАУ К

Дёрта ЗЭКЛЬ

Фото А. ПАСКОВИАКА.

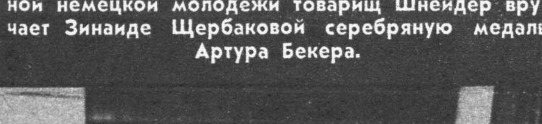
В квартиру супругов Каспар на улице Зигфридштрассе пришло письмо из Куйбышевского университета. Событие само по себе обычное, потому что уже много лет эта семья поддерживает переписку с университетским Клубом интернациональной дружбы и состоит в его почетных членах. Но в этом письме было кое-что особенное. «Две наши девушки,— говорилось в письме,— Зинаида Щербакова из Поволжья и Виктория Щерба из Куйбышева, посланы на учебу в Лейпциг. Будут сильно скучать по дому. Помогите им освоиться, дорогие друзья...»

Каспары раздумывали недолго. Они приехали в общежитие, сердечно обняли Виту и ее подругу Зину, словно те всегда были членами их семьи. И с этой минуты девушки действительно вошли в эту семью. Так решили супруги Каспар, их сын, дочь и внуки. Русские дочки фрау Каспар — так теперь они себя называли — приходили в этот дом, чтобы рассказать о своих учебных делах, посоветоваться, когда одолевали сомнения.

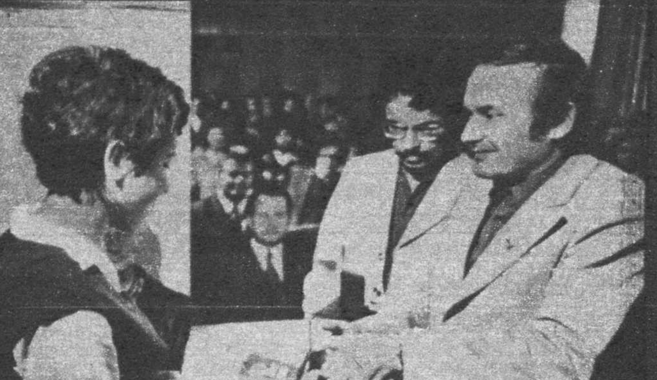
Они узнали, что «папа Мартин» в двадцатые годы работал на складе при советском торговом представительстве в Лейпциге. В 1931 году ему посчастливилось побывать в Советском Союзе. Потом ему это припомнили... Узник концлагеря Бухенвальд Мартин Каспар старался помогать, как мог, советским пленным. Теперь у него столько друзей в Советском Союзе, что даже вдвоем с Гертрудой они едва управляются с почтой.

В тот день, когда мы появились в этом доме, фрау Каспар как раз писала письмо в Куйбышевский клуб интернациональной дружбы Герману Орешко — тому, кто поручил ей заботу о русских дочках. Из этих писем в Куйбышеве узнали о защите девочками дипломных работ — на «отлично», о награде, которую получили они в Берлине в Министерстве высшего и специального образования.

Четыре года занятий германистикой пролетели, как день. Пришла по-

Секретарь Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи товарищ Шнейдер вручает Зинаиде Щербаковой серебряную медаль Артура Бекера.

Вечером в доме 4 по Зигфридштрассе. Семья Каспар пишет письмо в Куйбышев.

АСПАР

ра прощания. И мы отправились побродить вместе с русскими дочками семьи Каспар по Лейпцигу. Прощай, университет! Прощай, старая ратуша! Прощайте, друзья, прощайте «мама» и «папа» Каспар!

...Ну вот, девочки, вы уже и дома. Хотелось бы, чтобы и к нам, в Берлин, пришло письмо из Куйбышева. Интересно, что запомнилось вам больше всего за эти четыре года, проведенных в ГДР!

А нам напоминает о вас длинный выводок матрешек, которых вы подарили на прощание. Они стоят у меня дома на почетном месте. На самой большой матрешке написано: «От детей фрау Каспар, оставивших в Лейпциге частицу себя».

Кафе-мороженое «Пингвин». Здесь проходили «семинары за чашкой кофе». А сейчас — встреча на прощание.

После занятий.

Н. ИВАНОВА,

фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Встреча.

Мы пришли на площадь Фрауэнплан летним утром, когда Веймар только-только просыпался. Еще пустынны были скамейки у старинного колодца. Дремал, укрывшись за ставнями, трактир «Белый лебедь», где в давнюю пору часто сиживал Гёте. Но вот откуда-то издалека послышался мелодичный перезвон курантов. Пора! Мы поднялись по ступенькам двухэтажного особняка с мансардой и трижды, как было условлено, постучали в массивную дверь. Она тотчас отворилась. Мы вошли в дом.

Пахло жасмином. Широкая, натертая воском лестница вела из вестибюля вверх, к анфиладе комнат. Сделав несколько шагов, мы замерли у порога.

Почему вы там стоите?
Разве нет дверей, ворот?
Не робейте, заходите!
Вас прием сердечный ждет!

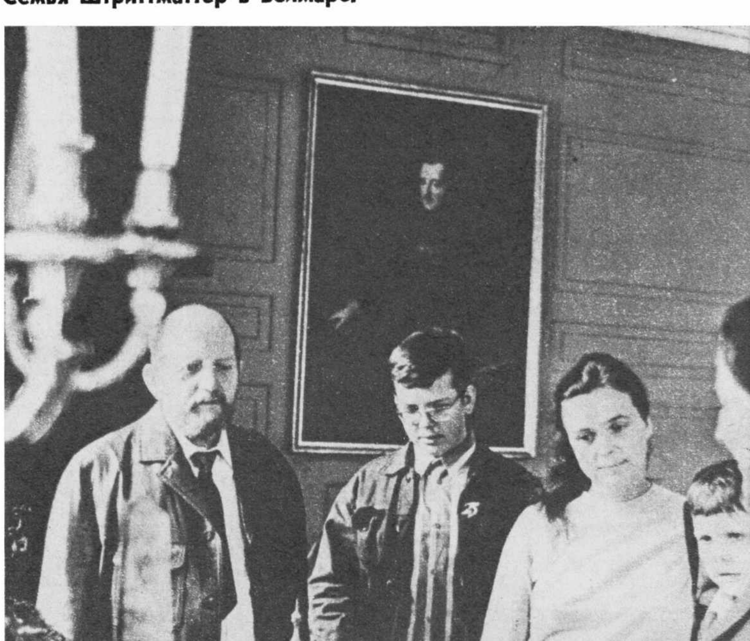
Иоганн Вольфганг Гёте. Он словно знал, что минуют годы, столетия и люди по-прежнему будут стремиться сюда, в город поэзии и в этот дом. И он распорядился выложить на его пороге одно-единственное латинское слово «SALVE» — здравствуй!

SALVE Войди!

В этом доме жил Фридрих Шиллер.

Семья Штриттматтер в Веймаре.

Привет вам, потомки! Привет вам, новое, незнакомое поколение. Вам предстоит еще заново открыть для себя и завоевать мир поэзии. Войдите же в этот дом! Сто сорок два года тому назад по этим ступенькам поднимался после утренней прогулки человек, давший миру «Фауста». Он назвал этот дом, где прошли пятьдесят лет его жизни, музеем и завещал его вам, как и все, что успел совершить за свою долгую, деятельную жизнь.

Войдите! Вот тут, в маленькой гостиной, часто бывал Фридрих Шиллер. В «комнате Юноны» читал стихи Адам Мицкевич, здесь при свечах звучал клавесин, и гости слушали волшебника Мендельсона. А в этом кабинете с зелеными полотняными шторами, где у окна Гёте писал, стоя за маленькой конторкой, шли долгие споры поэта с философом Гегелем...

Гулкое эхо торопится за нами из комнаты в комнату. Ах, как трудно расстаться с тишиной этого дома! Но время, подаренное нам директором музея доктором Эрлихом на свидание с Гёте «наедине», подошло к концу. Ровно девять утра. Дом на Фрауэнплан вмиг помолодел, заговорил на разных языках. В «комнату Юноны», шурша туго накрахмаленными юбками, расшитыми яркими узорами, вошла делегация загорелых крестьянок из Венгрии. За ними впорхнула стайка харцеров — польских пионеров.

А вот и наши земляки из Калужского педагогического института.

— Как вы попали сюда, ребята?

— Мы из студенческого интернационального стройотряда! Ремонтируем дорогу под Ильменау.

Неподалеку от нас остановилась семья: рыжебородый широкоплечий отец обнял за плечи двух сыновей-подростков. Рядом стояла миловидная женщина. «Это наш известный писатель Эрвин Штриттматтер и его жена поэтесса»,— шепнул доктор Эрлих и повел нас знакомиться.

— Мы с Евой здесь частые гости,— ответил на наше приветствие писатель,— каждый год участвуем в Веймарских днях молодежи. Со всей страны сюда съезжаются школьники, студенты, молодые рабочие и крестьяне, чтобы вместе с писателями, артистами, композиторами и художниками принять участие в этом празднике социалистической культуры. Вчера здесь был «вечер премьер». Я прочитал свой новый рассказ, а Ева — новые стихи.

...Мы вышли на площадь, щедро освещенную солнцем. У входа стояла толпа, ожидая свидания с великим поэтом, который вдохновенно мечтал увидеть

...в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

Иоганн Вольфганг Гёте. Силуэт.

Рабочая комната поэта.

ПУШКИН И ЕСЕНИН

Юрий ПРОКУШЕВ

Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу.

С. А. Есенин

Июнь 1924 года. Москва. Тверской бульвар. Памятник Пушкину. Живые цветы. Взволнованные, одухотворенные лица. И стихи, обращенные к великому поэту, его светлой памяти:

И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

Стихи звучат юношески молодо, восторженно, дерзко и вместе с тем исповедально, мудро, почти пророчески:

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Все, кто слушает эти строки, на какое-то мгновение замерли в напряжении. А тот, кто их читает, после долгой паузы, словно вглядываясь в будущее, обращается теперь уже не только к Пушкину, а ко всем, кого видит и не видит перед собой, к своим современникам и потомкам:

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

«Это было 6 июня... в памятный для литературной Москвы пушкинский день. Сто двадцать пять лет со дня рождения Пушкина. Все писатели приглашались к 6 ч. вечера к «Дому Герцена» на Тверском бульваре. Оттуда,— вспоминает один из очевидцев,— выстроившись рядами, со знаменем во главе, торжественно двинулись к памятнику Пушкину, где должно было происходить возложение венка...

У памятника великому поэту речей не произносилось... Слово было предоставлено поэтам для произнесения стихов. Первым на ступенях пьедестала, возле только что возложенного венка... появилась фигура Есенина. Он был без шляпы. Льняные кудри резко выделяли его из окружающих. Сильно раскачиваясь руками и выкрикивая строчки, он прочел свое обращение «К Пушкину». Впервые прозвучало стихотворение, известное теперь всем и каждому» [1].

Тогда же, в июне 1924 года, в одном из московских журналов была напечатана есенинская анкета о Пушкине. Отвечая в ней на вопрос: «Как вы теперь воспринимаете Пушкина?» — Есенин писал: «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории». И далее: «Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки».

И еще: в том же июне месяце в автобиографии, говоря об Америке и будущем своей Родины, Есенин с законной гордостью называет имя Пушкина среди имен тех его великих соотечественников, которые духовно, нравственно выражали и олицетворяли собой не только настоящее и прошлое, но и завтрашний день России.

«Если сегодня держат курс на Америку,— писал Есенин,— то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.».

В своих воспоминаниях о Есенине современники поэта неоднократно отмечают, что он «с особым преклонением относился к Пушкину». Из стихов Пушкина любил декламировать «Деревню» и особенно «Роняет лес багряный свой убор».

— Видишь, как он! — добавлял всегда после чтения и щелкал от восторга пальцами» [2].

«У Есенина была исключительная память. Он помнил... не меньше половины стихов Пушкина» [3]. Он знал их с юношеских лет, с детства, слышал их в колыбели. Сестра поэта Александра Александровна Есенина, рассказывая о матери — Татьяне Федоровне, подчеркивает, что «с младенческих лет мы слышали от нее прекрасные сказки, которые она рассказывала нам артистически, а подрастая, узнавали, что песни, которые она пела, зачастую были переложенные на музыку стихи Пушкина, Лермонтова, Никитина и других поэтов» [4]. В родном селе поэта — Константинове — любовь к литературе стремился привить деревенским ребятам их учитель Иван Матвеевич Власов. «Была у нас,— вспоминает один из односельчан, занимавшихся вместе с Есениным,— и школьная библиотека. По тем временам неплохая. Имелись в ней книги Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Лермонтова, Толстого...» [5].

Немного позднее, в Спас-Клепиковской церковно-учительской школе,— Есенину тогда было пятнадцать лет — на уроках словесности, которые вел Евгений Михайлович Хитров, первый литературный наставник Есенина, произойдет одна из ярких «встреч» молодого рязанского поэта с Пушкиным.

Есенин, вспоминает Е. М. Хитров, «много читал. Особенно любил слушать мое классное чтение. Помню, я читал «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и другие произведения в течение нескольких часов, но обязательно все целиком. Ребята очень любили эти чтения. Но, пожалуй, не было у меня такого жадного слушателя, как Есенин. Он впивался в меня глазами, глотал каждое слово... Сам я очень любил Пушкина. Пушкиным больше всего занимался с учениками, читал его, разбирал и рекомендовал как лучшего учителя в литературе... Есенин полюбил Пушкина» [6].

В течение всей своей яркой и неповторимой жизни Есенин все ближе и ближе подходил к Пушкину.

«Читай побольше Пушкина. Это наш учитель. Я ведь тоже когда-то шел не той дорогой. Теперь же я вижу, что Пушкин — вот истинно русская душа, вот где вершины поэзии» [7], — взволнованно наставляет Есенин одного из своих товарищей, узнав, что последний увлекается Надсоном.

В конце жизни в автобиографии «О себе», написанной поэтом в октябре 1925 года, Есенин вновь подчеркивает: «в смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину».

Пушкин — это сама жизнь, ее светлое, солнечное начало. И эта «живая жизнь» всегда бьет ключом у памятника великому поэту; всегда здесь люди, друзья его стихов, и молодые и старые, их окрыленный взор и радостно светел и задумчиво печален; их разноязыкая речь то ораторски торжественна, то доверительно задумчива...

В тот хмурый декабрьский день 1925 года у памятника Пушкину, впервые за всю его историю, стояла необычная, мертвая тишина! В какое-то мгновение эту страшную, мучительную тишину разорвала, расколола рыдающая мелодия.

От Никитских ворот к памятнику медленно приближалась траурная процессия. Москва, а вместе с ней Россия провожали в последний путь поэта, который сквозь бури и грозы своего века сумел пронести достойно и мужественно святое пушкинское знамя поэзии и который еще совсем недавно читал стихи, обращенные к великому поэту, здесь, у памятника, мечтая о пушкинской славе и бронзовом бессмертии своих стихов.

И вот эта последняя встреча — последняя из земных встреча Есенина с Пушкиным — встреча-прощание двух великих сынов России на пороге бессмертия и вечности. Траурная процессия подошла к памятнику.

«Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище,— рассказывает писатель Юрий Либединский,— мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делали,— это был достойный преемник пушкинской славы» [8].

---

[1] Иван Розанов. Мое знакомство с Есениным. В сб. «Памяти Есенина». М., Изд. Всероссийского союза поэтов, 1926, стр. 50.

[2] И. И. Старцев. Мои встречи с Есениным. В кн. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., «Московский рабочий», 1965, стр. 246.

[3] Георгий Устинов. Годы восхода и заката. В сб. «Памяти Есенина». М., Изд. Всероссийского союза поэтов, 1926, стр. 78.

[4] А. А. Есенина. «Это все мне родное и близкое». В кн. «Воспоминания о Сергее Есенине». М., «Московский рабочий». 1965, стр. 61.

[5] Н. П. Калинкин. В одном классе. Там же, стр. 77—78.

[6] Е. М. Хитров. В Спас-Клепиковской школе. Там же, стр. 84—85.

[7] С. Н. Соколов. Встречи с Есениным. Там же, стр. 98.

[8] Ю. Н. Либединский. Мои встречи с Есениным. Там же, стр. 379.

Ганс Гольбейн Младший (1497—1543). ПОРТРЕТ ШАРЛЯ ДЕ СОЛЬЕ, СИЕРА ДЕ МОРЕТТ, ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛА ПРИ ДВОРЕ ГЕНРИХА VIII

Ян Вермеер Дельфтский (1632—1675). ДЕВУШКА С ПИСЬМОМ

Достойный преемник Пушкина... Ныне эта истина становится все очевидней.

«Все, что связано с именем Сергея Александровича Есенина, дорого нам,— справедливо отмечал С. Т. Коненков,— это наша общенациональная святыня. Думая о солнечном даре Пушкина, я невольно прихожу в мыслях к Есенину. Он был великим патриотом и звонкозвучным певцом народа...» [9].

«Есенин читал мне «Пугачева»,— вспоминает Всеволод Мейерхольд,— и я почувствовал какую-то близость «Пугачева» с пушкинскими кратко-драматическими произведениями».

Казалось, все говорит за то, что тема «Пушкин и Есенин» должна быть уже давно глубоко и обстоятельно изученной и исследованной нашей литературоведческой наукой и критикой. К сожалению, в действительности все обстоит иначе. Сотни книг, тысячи статей посвящены Пушкину, его жизни, творчеству, литературным связям. Более полутора тысяч статей, несколько десятков книг включает в себя последний библиографический справочник «С. А. Есенин» [10]. И среди этого моря литературы нет ни одной монографической работы, ни одной журнальной исследовательской статьи или публикации, ни одной газетной статьи, разрабатывающих и раскрывающих тему «Пушкин и Есенин».

В этом плане данная работа — своего рода разведка боем. Это мысли и раздумья вслух. Они складывались исподволь, постепенно, в ходе многолетнего изучения жизни, творчества Есенина, постоянного обращения при этом к наследию Пушкина, Некрасова, Блока, Маяковского и других поэтов.

Здесь, в этой работе, мы попытались определить подход к теме, обозначить ее границы, наметить проблематику, рассмотреть и осветить некоторые из важнейших вопросов, наконец, выявить пути дальнейшего исследовательского поиска.

* * *

В 1814 году в «Вестнике Европы» за подписью «Александр Н. к. ш. п.» впервые было напечатано стихотворение Пушкина — «К другу стихотворцу».

Ровно через сто лет, в 1914 году, в журнале «Мирок» за подписью «Аристон» было впервые напечатано стихотворение Есенина — «Береза».

Эти сто лет в русской поэзии по праву могут быть названы эпохой Пушкина. Могучий, всеобъемлющий пушкинский гений оказал решающее влияние на стремительный взлет поэзии девятнадцатого века.

Лермонтов. Некрасов. Кольцов. Никитин. Тютчев. Майков. Фет... Всем своим творчеством, жизнью и прежде всего своими новаторскими, глубоко национальными стихами и поэмами именно Пушкин проложил для них главные вехи на пути к высотам русской и мировой поэзии. Конечно, каждый из блистательной плеяды поэтов XIX века был рожден своим временем; каждый по-своему был самобытен и талантлив, и вместе с тем каждый, несмотря на свои личные художественные пристрастия, испытал на себе, своем творчестве огромное воздействие Пушкина, его реалистической поэзии, каждый в конечном итоге в своих стихах стремился к вершинам «нагой» пушкинской простоты.

В конце XIX и особенно в начале XX века знамя реалистической поэзии поблекло, при этом порой, к сожалению, настолько, что кое-кто поспешил заявить, что реализм в поэзии себя исчерпал, что будущее за символизмом, иные же были уже готовы сбросить с «парохода современности» Пушкина, Толстого и Достоевского...

Именно в это время вслед за «Березой» появляются в печати «свежие, чистые, голосистые», «удивительно сердечные» и «размашистые» стихи Сергея Есенина. Мог ли тогда, в 1914 году, кто-либо предположить и представить, что в лице неизвестного автора, поначалу скрывающегося под псевдонимом Аристон, в русскую поэзию XX века пришел поэт, которому суждено было стать достойным преемником пушкинской славы; поэт, который в пору становления нового, революционного искусства одним из первых сумел решительно повернуть свой взор к наследию и традициям русской классической поэзии и вместе с великими первопроходцами советской поэзии — Владимиром Маяковским и Александром Блоком — смело двинуться по пути реализма, народности, гражданственности вперед — к Пушкину.

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый
Я вновь ей вздернул
Удила.

Разговор о первых печатных выступлениях Пушкина и Есенина не случаен. Дело в том, что дистанция, разделяющая во времени этих поэтов и в социально-классовом и в лично-бытовом плане, исторически велика. Велика настолько, что на первый взгляд даже кажется, что у Пушкина и Есенина нет и не может быть каких-либо значительных внешних и внутренних точек касания, нет прямой стыковки — биографической и творческой. Однако если пристальнее посмотреть в лицо объективным фактам, отбросив при этом старые, превратные представления и «легенды», то мы увидим, что в судьбе поэтов, их детстве, юности, первых литературных шагах, в их программных произведениях и, самое главное, в истинно глобальном художественном познании каждым из поэтов своей эпохи, своего народа есть удивительно много общего, примечательного, того, что поможет более зримо проявить нерасторжимое единство и духовную взаимосвязь гениального основоположника новой русской литературы — великого Пушкина и одного из самых прекраснейших поэтов XX века — великого Есенина; и это дает возможность более полно выявить и представить конкретно роль и место каждого из поэтов как в истории отечественной и мировой литературы, так и в истории революционно-освободительного движения и общественной мысли в России.

Детство Пушкина. Детство Есенина. Дворянский сын. Крестьянский сын. Подмосковное имение Марии Алексеевны Ганнибал — бабушки Пушкина по матери,— которая более других занималась воспитанием своего внука в детстве. Деревенская хата на Рязанщине, где провела свою жизнь Наталия Евтеевна Титова — бабушка Есенина по матери, более других опекавшая своего внука в детстве.

Домашняя библиотека Пушкиных в Москве. Сотни книг на русском и иностранных языках. Их с увлечением читает юный Пушкин.

Библия и несколько других старинных церковных книг в избе Федора Андреевича Титова — деда Есенина. По этим книгам с пяти лет выучился читать будущий поэт.

Прославленный Царскосельский лицей, в стенах которого шесть лет провел Пушкин.

Затерявшаяся в Мещерских лесах скромная церковно-учительская школа, где три года провел Есенин. Затем полтора года занятий в Московском народном университете.

У каждого из поэтов свое неповторимое детство и отрочество. Но было в этом детстве и отрочестве и другое, едва ли не главное, основополагающее: встреча с родиной — с родной землей, родным небом, с родной русской природой, русской народной песней, сказкой и вместе с тем с русской народной болью, с тяжелой, бесправной долей крестьянина-труженика, с диким, самодержавным рабством.

Вспомним пушкинскую «Деревню», написанную девятнадцатилетним поэтом:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...
. . . .
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей...

Но видит поэт на родной земле и «ужасное», что омрачает его душу:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Вспомним теперь есенинскую «Русь», написанную тоже девятнадцатилетним поэтом:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.
. . . .
Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

И совершенно иной в той же «Руси» видится молодому поэту его «родина кроткая» в годину обрушившихся на нее тяжелейших испытаний, которые унесут миллионы жизней мирных русских пахарей:

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Любовь к родине томила, мучила, жгла чистые, отзывчивые души и Пушкина и Есенина. Она вдохновляла и питала по-своему музу каждого из поэтов.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

А Есенин! Куда бы поэта ни забрасывала судьба, где бы он ни был, вновь и вновь вспоминает он родное село, отцовский «низкий дом с голубыми ставнями» и необъятный простор родных рязанских раздолий:

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Когда, обращаясь к Пушкину и Есенину, мы идем в глубь их творчества, их жизни, то счастливо открываем и отмечаем наличие важных и примечательных внутренних связей и точек «пересечения» двух поэтов, начиная с их детства и юности.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали,—

скажет Пушкин, вспоминая позднее в стихотворении «19 октября» годы детства.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали,—

напишет о себе, своем детстве Есенин в стихотворении «Матушка в Купальницу по лесу ходила...».

И у Пушкина и у Есенина рано пробудилась страсть к чтению, книгам. Брат поэта — Лев Сергеевич Пушкин вспоминает, что за чтением Пушкин «проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой». Книги всегда были добрыми друзьями и верными спутниками поэта. «Чтение,— говорил он,— вот лучшее учение».

В последние минуты жизни Пушкин окинул печальным, грустным взором свои книги и тихо произнес, расставаясь с ними навсегда: «Прощайте, друзья».

С детства Есенин как бы следовал мудрому пушкинскому афоризму о чтении — лучшем учении. Все сверстники Есенина единодушно признают, что даже в школьные годы он был заядлый книголюб и его почти всегда можно было видеть с какой-нибудь книгой. Когда летом 1911 года шестнадцатилетний Есенин впервые ненадолго приехал в Москву к отцу, то, возвращаясь, вез с собой в деревню более двадцати книг, приобретенных им в городе. Он зачитывался стихами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, знал на память почти все «Слово о полку Игореве».

Поэт Николай Полетаев рассказывает о встрече с Есениным в 1918 году:

«Говорили мы с ним о литературе. Я спросил его, чем он сейчас больше всего интересуется. «Изучаю Гоголя. Это что-то изумительное!» Есенин даже приостановился, а потом неподражаемо прочел несколько гоголевских фраз из описаний природы...

[9] С. Т. Коненков. Певец Руси. Там же, стр. 185—186.
[10] Е. Л. Карпов. С. А. Есенин. Библиографический справочник. М., «Высшая школа». 1972.

— Передо мной,— замечает Полетаев,— вырос человек, до самозабвенья любящий красоту русского слова».

И Пушкин и Есенин рано начали писать стихи. Пушкину едва исполнилось восемь лет, когда он «сочинил» их впервые.

В дошедшем до нас самом раннем стихотворении Пушкина «К Наталье», написанном поэтом в четырнадцатилетнем возрасте, возникает волнующий образ крепостной актрисы домашнего театра в Царском Селе. Целомудренно чиста любовь-мечта юного героя этого стихотворения к крепостной девушке:

Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье,
Будто милая со мной:
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной...

В Царском Селе Пушкин пережил свою первую юношескую любовь к сестре лицейского приятеля — Е. П. Бакуниной. Ей он посвятил несколько своих ранних лирических стихотворений. Среди них было и одно из лучших его лицейских стихотворений, «Певец»:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Стихи, подражая частушкам, начал «слагать» с восьми лет Сергей Есенин.

Романтической, окрыленной мечтой о любви к девушке-крестьянке наполнено одно из самых ранних стихотворений Сергея Есенина, «Выткался на озере алый свет зари...», написанное юным, пятнадцатилетним поэтом:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.
. . . .
И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

Еще до отъезда во второклассную школу Есенин подружился с сестрой своего товарища Анной Сардановской. Приезжая летом из Спас-Клепиков в родное село, он часто встречался с ней. Константиновские старожилы вспоминают, как «однажды летним вечером Анна и Сергей, раскрасневшиеся, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую там монашенку разнять их руки: «Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться. Разними нас».

Анне Сардановской Есенин посвятил стихотворение «Зачем зовешь...», относящееся к 1911—1912 годам, и стихотворение «За горами, за желтыми до́лами...», опубликованное поэтом впервые в 1916 году.

За горами, за желтыми до́лами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.
. . . .
Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Сквозь светлую дымку почти неземной, юношески порывистой и трепетной первой любви в ранних стихах и Пушкина и Есенина возникают реальные картины окружающей их жизни, природы, быта. От стихотворения к стихотворению картин «живой жизни», «живой природы» у каждого из поэтов становится все больше и больше; гамма чувств, лирический настрой в стихах все эмоциональней и выразительней.

Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

Строфы из пушкинского «Осеннего утра» — ветреные, горькие, пронзительные, как сами дни поздней осени. Незадолго перед тем, как оставить лицей, Пушкин написал стихотворение «Товарищам». В нем грустные мысли «о разлуке», которая ждет лицеистов «у порогу», и слова, полные глубокой иронии и сарказма в адрес тех, кто рьяно заботится лишь об одном — карьере, еще до окончания лицея рвется в «капитаны» и ползет в «асессора»:

Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...

В целом ряде лицейских стихов Пушкина, особенно таких, как «Воспоминания в Царском Селе», «Казак», «Городок», «Послание к Юдину», «Желание», «Вишня», «Сон», «Осеннее утро», в их идейной проблематике, языковой структуре, ритмическом рисунке уже отчетливо угадывается «поэт действительности».

«Поэт действительности» все определеннее проглядывается и в ранних стихах Есенина, особенно таких, как «Черная, потом пропахшая выть!..», «Русь», «В том краю, где желтая крапива...», «Табун», «Песнь о собаке», «Устал я жить в родном краю...», «Узоры», «Запели тесаные дроги...», «Голубень», «Синее небо, цветная дуга...», «Гой ты, Русь, моя родная...» и других.

В прозрачном холоде заголубели долы,
Отчетлив стук подкованных копыт,
Трава, поблекшая, в расстеленные полы
Сбирает медь с обветренных ракит.
. . . .
Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влекут меня незримые следы.
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

Есенинская лирика при всем ее глубоком индивидуальном художественном своеобразии уходит своими поэтическими корнями в ту реальную действительность, которая окружала и волновала Есенина в жизни:

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить?
. . . .
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

«Как нелепа вся наша жизнь,— с грустью замечает Есенин в одном из юношеских своих писем, относящихся к 1913 году.— Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды.

...Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны».

Особенно горьки и тревожно печальны есенинские стихи об извечной крестьянской беде — недороде и засухе:

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледящий:
«Спаси, господи, люди твоя».

И далеко не случайно именно это стихотворение Есенина — «Заглушила засуха засевки...» — напечатал Максим Горький в своем журнале «Летопись» в 1916 году.

На действительность своего времени, на окружающий его мир природы и особенно на судьбу Руси крестьянской Есенин как поэт уже в лучших своих ранних стихах во многом взглянул по-пушкински, с обжигающей душу, истинно пушкинской проникновенной любовью к Родине и верой в человека.

Есенин писал обо всем этом по-своему, не повторяя своего великого предшественника, а вслед за ним прокладывая свою поэтическую дорогу, приближаясь все зримее к Пушкину.

Окончание следует.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИКОЛЫ БАЖАНА

ЗНАМЕНОСЕЦ ГРЯДУЩЕГО

Николай ТИХОНОВ

Микола Бажан, которому ныне исполняется семьдесят лет, принадлежит к тому замечательному племени богато одаренных народных поэтов, к каким можно причислить и Максима Рыльского и Павло Тычину.

Сама природа окружила его с юности красотами украинской земли. Он родился в самом живописном, древнем и легендарном городе Приднестровья — в Каменец-Подольском, где огромные скалы глядятся в дикий каньон, на дне которого мчатся воды бешеной реки Смотрич. Каменный замок венчает стены старой крепости.

А в годы юности была не менее красочная Умань, со своим парком «Софиевкой», рекой Каменкой, с прудами и аллеями, с зарослями дуба и ясеня, граба и липы, с кипарисами, бывшими свидетелями первых поэтических вдохновений и мечтаний молодого Миколы Бажана.

Бурный расцвет революционного строительства и страстная натура неудержимо влекли его в мир, переполненный борьбой за новое, в мир, где живопись и поэзия, наследие веков и современность звали в неведомые просторы, давали небывалые ощущения новизны всего окружающего.

Рождались первые книги, и в них рядом с откликами смутных поисков юности

ПРИБАЛТИЙСКИЙ «АРТЕК»

оживали романтические картины старой Украины, и все звонче прорезывался голос современности.

С годами крепло поэтическое слово, реалистическая сила образности Миколы Бажана. Его творчество достигло ясности, глубины, большая жизнь поэтической мысли давала возможность всемерно расширять охват жизненных явлений, способствовала росту его лирического героя.

Он определился, этот лирический герой, превратился в характер бесстрашный, устремленный в будущее, жаждущий всего векового наследия человечества и всех достижений нашего времени.

Непрерывность роста этой воинствующей, гуманистической, революционной поэзии можно проследить по книгам Миколы Бажана, так как путь этот обозначен непрерывностью движения стиха и его победоносной силой, отражающей явления жизни в их драматической и преобразующей последовательности.

После книг «Семнадцатый патруль», «Резная тень», «Строения» и других создается острая, проникнутая пафосом борьбы и ощущением будущего трилогия «Бессмертие» — поэма о жизни Сергея Мироновича Кирова, ставшая большим творческим достижением.

В этой поэме воин Октября, великий трибун, борец за правду, Киров является в дни, когда решаются судьбы народов Закавказья, как проповедник новой истины — братской дружбы народов, и поэма звучит жизнеутверждающим гимном священной славы героев, «в мир пришедших, чтоб смерть перебороть!».

Поэт работает упорно, расширяя свою тематику. Вслед за поэмами «Отцы и сыновья», «Мать» рождаются произведения, посвященные дружбе советских народов,— циклы «Грузинские стихи», «Узбекистанские стихи». За ними возникают «Ямбы», где звучит тема вековечной дружбы украинского и русского народов.

В годы Великой Отечественной войны Микола Бажан в рядах Красной Армии, делит все испытания, которые принесла нашей Родине война,— мы видим его под Сталинградом, в самые трудные и тяжелые дни.

«Сталинградская тетрадь» передает думы и чувства солдата — защитника родной земли, зрелого, верящего в победу, поэта, для которого «ленинский непобедимый стяг» является вдохновляющим, ведущим знаменем:

Он — в каждом честном сердце гражданина,
Он — в партизанских боевых руках,
Взвивается, как счастье Украины,
Наш ленинский непобедимый стяг.

Его стихотворение «Клятва» стало боевым гимном для украинского народа.

После «Сталинградской тетради» и «Даниила Галицкого» мы читаем «Киевские этюды» — об освобожденной столице Украины. Город разрушен, но «мечта закаляется волей, из хаоса форма встает». Жизнь торжествует. И эта воскресшая жизнь обладает новой энергией и снова ведет художника в еще более широко раскрывшийся мир.

И мы уже видим нашего поэта за книгой «Английских впечатлений», потом, с течением времени, мы почувствуем тепло его итальянских переживаний, новые его, оправданные свежестью взгляда и поэтической смелостью стихи и поэмы о Западе, лучшая из которых, может быть, «Боги Эллады». Микола Бажан поднялся на высокую ступень мастерства, но в его вдохновении по-прежнему много молодой энергии и яркости ощущений.

И в циклах стихов «У Спасской башни» и «Мицкевич в Одессе» мы находим новые выражения его многообразного дарования. В самое последнее время он возвращается в творчестве к местам своей юности, и мы, вчитываясь в его стихи, навеянные «Уманскими воспоминаниями»,— поэмы «Искра» и «Дождевой прелюд», а также «Соль», с радостью видим, что Микола Бажан находится в полной силе таланта, владеет свободным поэтическим рассказом, внося новые оттенки в драматические краски своей стиховой палитры.

Да, он может с чувством исполненного долга произнести заново слова героя из поэмы «Бессмертие», так как они относятся ко многим, и в частности и к нашему поэту:

Как знаменосец, избранный народом,
По черным землям проходя походом
В грядущее за далью голубой,
Я исхожу в заботе и тревоге
И жар песков и снега синеву,
И, прежде чем прийти к концу дороги,
Я жизнь свою недаром проживу...

Недаром поэт в своей автобиографии писал: «Нет идеалов более светлых и вдохновляющих, чем идеалы коммунистического учения, служить которому своим словом и своей жизнью — великое счастье, великое право и великая обязанность поэта».

Микола Бажан много большого, прекрасного труда посвятил делу перевода великих поэтов братских народов. С огромной любовью он делал это. «Я переводил Пушкина и Руставели, Навои и Райниса, Маяковского и Купалу». Он стремился, чтобы читатель почерпнул «хотя бы ощущение той чудесной творческой силы, которой напоены лучшие стихи советской многонациональной поэзии».

Страсть к прекрасному, зародившись с юности, только способствовала другим его талантам — талантам большого государственного деятеля, организатора, ученого-академика.

Он был заместителем Председателя Совнаркома УССР, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Он долгое время был председателем Союза писателей Украины. Много труда положил на создание Украинской советской энциклопедии, будучи ее главным редактором.

Микола Бажан за свои труды имеет много высоких наград. Творчество его широко известно за рубежом.

Замечательный и неповторимый Микола Бажан! Пусть из поколения в поколение живет твое поэтическое слово на цветущих просторах вольной Украины и всюду в Советском Союзе, где любят поэтов и поэзию как самое близкое, самое сердечное!

На самом западном краю нашей Родины, в курортном городе Светлогорске, Калининградской области, в живописном месте на берегу Балтийского моря расположен пионерский лагерь имени Аркадия Гайдара. Его называют прибалтийским «Артеком». Сюда ежегодно приезжают отдыхать дети из Ольштынского воеводства Польской Народной Республики. Более восьмисот польских харцеров провели школьные каникулы в пионерском лагере имени Аркадия Гайдара. Столько же детей из Калининграда побывали в гостях у польских друзей.

Из года в год растет и развивается дружба между молодежью двух соседних городов — Калининграда и Ольштына.

На снимке: польские харцеры с пионерами из Калининграда на отдыхе в пионерском лагере имени Аркадия Гайдара.

И. КОНДРАТЕНКО

Калининград.

УЗОРЫ ШАХРИСАБЗА

Молодое поколение ковровщиц фабрики «Худжум» комсомолки сестры Мухаббат, Халоват и Шафоат Султановы.

В дни первой декады литературы и искусства Узбекистана в Москве Тамара Ханум подарила Алексею Максимовичу Горькому ковровую тюбетейку.

— Замечательная вещица,— сказал писатель, рассматривая головной убор,— интересно, где ее сделали?

— На фабрике «Худжум» в Шахрисабзе, близ Самарканда,— ответила Ханум...

В музее фабрики хранится фотография Горького в этой тюбетейке. С нею, как говорят, он не расставался до конца своей жизни.

Фабрика «Худжум» на языке фарси означает «наступление». В то время это было одно из немногих предприятий республики, где работали женщины-узбечки. Сейчас здесь трудится свыше тысячи работниц. Ежегодно в торговую сеть поступает до 70 тысяч тюбетеек. Спрос на них растет. Ведь шахрисабзская ковровая тюбетейка известна не только в Средней Азии. В 1937 году ее своеобразный узор впервые заинтересовал ценителей народного творчества в Париже. Дважды экспонировались работы шахрисабзских вышивальщиц в Латинской Америке, в Мехико.

Шарихсабзские мастерицы возродили древнее мастерство ковроткачества. Роскошные паласы сходят со станков фабрики «Худжум».

...Кашкадарьинская область, в южной части которой расположен город Шахрисабз, в лесах новостроек. Справит новоселье и коллектив фабрики «Худжум»: уже к концу года будет готов трехэтажный корпус с современным оборудованием.

В. ШУМАЙЛОВ,
В. ПЕТРЕНКО

Карши.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

Рисунки И. УШАКОВА.

ПОВЕСТЬ

III

С детства Алик считал, что его ожидает слава. Какая — он еще не знал. Может быть, полководческая, а может быть, артистическая, а может быть, он сделает такое открытие, которое сразу поставит его в один ряд с... нет, вне рядов. На самое первое, даже на одинокое место. И когда он об этом мечтал, спине и лбу его становилось холодно от разреженного воздуха неслыханной высоты, на которую его возносила судьба.

Читать он научился рано. Дома книг было немного — он прочел их все: однотомник Пушкина, «Три мушкетера», несколько романов, получивших премию, еще две-три книги, которые в то время можно было найти на каждой книжной полке. Потом он стал получать книги в подарок — на именины, на праздники. Все детские книги: Осееву, Воронкову, Гайдара... Потом в доме стали появляться подписные издания. К тому времени он уже учился в школе, поражая учительницу Тамару Ивановну ранним развитием. Потом умер его отец — нелепо умер, от аппендицита.

Алик уже знал, что мечты о славе, о величии, о пустынной, холодной высоте — мальчишеское, возрастное. Узнал он это не из книжек, а от отца. Собственно, дело было так: Алик прочел «Детство» и «Отрочество», не без труда преодолев скучное начало, и удивился Николенькиным мечтаниям — так странно они были похожи на его собственные. Значит, каждый великий человек в детстве мечтает о будущей славе. И не так, как это объяснялось в школе, где им говорили, что человек должен мечтать, даже обязательно должен, и они мечтали по программе, вслух, а иногда письменно, под заголовком «домашнее задание».

Разговоры с отцом у них были не частые и не длинные, однако Алик подозревал, что отец видит его насквозь и не понимает. Отец всегда знал, когда Алик врал или фантазировал, но не понимал, какое будущее ему предстоит... И однажды Алик сказал ему:

— А Толстой тоже, когда был маленький, фантазировал.

— То Толстой! — сказал отец.— Что тут сравнивать? Он был великий человек.

— А что? — сказал Алик.— Много похожего.

— Думаешь, ты фантазируешь и он фантазировал, так ты тоже станешь великим человеком? Все мальчишки фантазируют.

— И ты тоже, когда был мальчишкой?

— И я тоже, ясное дело. Как все.

Будущее было разрушено. Одним махом. Мечтать о нем, однако, не возбранялось. И Алик мечтал, с книжкой или без книжки, засунув за щеку кусок сахару или конфету. Иногда он рассказывал ребятам удивительные случаи из своей жизни, и пока он рассказывал, ему верили. Его даже выбрали представителем от шестых классов в общешкольную редколлегию. Он был польщен. Он обещал в кратчайший срок собрать пятнадцать заметок. И тут же выбросил это из головы. Таня Комзина из восьмого класса приставала: принес заметки? Он врал, что забыл. И так он забывал месяца два, а потом сказал, что потерял, и его уже хотели разбирать на совете отряда, но как раз в это время умер отец, а потом наступило лето, а потом мама вышла замуж и они переехали в другой район. В новой школе он растратил деньги, двенадцать рублей, которые собирали на подарок учительнице к Восьмому марта. Скандала не было, потому что он их вернул потом: стащил у отчима — тот даже не заметил.

С отчимом отношения были нормальные: тот не вникал, дома бывал мало. Он работал в ресторане и мать устроил около себя. Жилось Алику в то время вольготно: в восьмом классе он совсем перестал ходить в школу, и если не читал, то бродил по улицам, заходил в свой прежний район, в прежнюю школу — ему там радовались. Зимой ходить по улицам стало не так интересно. Алик захаживал на каток, в бассейн, в Дом пионеров. Отчим без труда его повсюду записывал. Алик начинал заниматься в тот год то рисованием, то плаванием, то фигурным катанием: вначале все это у него шло довольно легко, всюду заводились друзья, всем он рассказывал о себе, что хотел, и некоторые верили. Да он и сам часто верил. Он очень вырос, взрослые девушки на него поглядывали.

Вольное житье кончилось, когда отчим оставил мать. Алик перешел в вечернюю школу, потом бросил, поступил в техникум, бросил, стал работать. Места работ менял часто: кормил зверей в зоологическом саду, читал вслух парализованному академику, сторожил стоянку для машин... Впереди была армия.

Но в армию его не взяли. Он получил срок за хищение продуктов из продуктового ларька.

В сущности, то было не хищение, а пьяный дебош: их было трое, они познакомились и объединились только в этот вечер, Алик в то время не слишком любил выпить, но был, что называется, компанейским парнем. Его пригласили третьим молодые ребята, симпатичные, он согласился. Выпили, согрели душу, разговорились, потом понадобилось добавить, добавили; потом все было закрыто, а ребята настаивали, чтобы еще добавить, и кому-то пришла мысль разбить окно в ларьке... В общем, это была скорее глупая, чем уголовная история, и всех троих нашли утром, тут же, в парке, около ларька, где они заснули. Алик показался суду главным во всем деле: он и окно разбивал, и бутылки таскал, и определенного места работы не имел. И с ним поступили по всей строгости.

В колонии он вел себя хорошо, выполнял норму, не имел нарушений, участвовал в самодеятельности, под конец даже был «художни-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 40.

ком» — писал плакаты, рисовал щиты наглядной агитации. Его освободили досрочно. Он твердо решил взяться за ум, поступить на работу, окончить школу, институт... И для начала уехал в геологическую партию, в поле. Там он и познакомился с Аллой.

Они вернулись в Ленинград мужем и женой.

Обычно в таких случаях говорится: сначала все было хорошо. Но тут с самого начала все пошло плохо. С первого обеда в семье, на который не позвали посторонних. Никодим Ефимович знакомился с зятем. Зять распускал хвост и рассказывал о своих планах. Планы были широкие. Десятилетку он собирался кончить в один год, потом — институт, литературный или кинематографический; он теперь знает жизнь, сюжетов у него дополна, учиться он, конечно, будет заочно, потому что надо работать. Ну, работу найти в Ленинграде нетрудно. Опять пойдет чтецом к академику, тот о нем уже спрашивал. И все-таки это деньги. Очень хочется, чтобы были деньги. Хотя много ли им с Аллой нужно? Но вообще-то он почему-то уверен, что будет время, когда у него будет много денег.

— Откуда, интересно? — спросил Никодим Ефимович.

Алик простодушно улыбнулся и сказал:

— Не знаю. Просто вот так мне кажется.

Никодим Ефимович сказал жене:

— Пустозвон и лоботряс.

Он это сказал сразу, в первый же день, и мнения не изменил.

Правда, он пытался воспитывать Алика и вел с ним разговоры, из-за которых Алик вспоминал отца. Однажды он сказал Никодиму Ефимовичу:

— Вот вы думаете, вы меня знаете. И верно, вы меня знаете. Но вы не все знаете, а думаете, что все.

Никодим Ефимович подумал и сказал:

— Больше-то знать нет охоты.

После этого воспитательные беседы прервались. Алла родила Лодьку. Пыталась наладить дом, хотела, чтобы все было нормально. Он тоже не сидел сложа руки. Академик принял его обратно: ему нравился Аликов голос. Алику тоже собственный голос нравился — спокойный и какой-то умный. Правда, таким он был, когда Алик читал. А в компании, особенно если было выпито некоторое количество, все менялось — и голос и сам Алик, наверное. Однажды он услышал магнитофонную запись: кто-то у Иванчихиных включил магнитофон, когда все были выпивши,— наверное, Кирилл придумал, в нем есть это ехидство. Алик услышал, кто-то взвизгивает, по-бабьи почти что: нет, ребя, вы меня послушайте, нет, вы только меня послушайте... Этот голос всех перекрикивал, всех перевизгивал, хотя его все равно никто не слушал — да там и никто никого не слышал, наверное, все вопили вразноголосицу. Если б ему сказали: вот твой голос! — ни за что бы он не поверил! Но никто не сказал, он сам догадался, а может, и узнал по обертонам каким-то. Двух отпечатков пальцев одинаковых не бывает, и двух голосов одинаковых тоже, как ни притворяйся, ни меняй... Когда он звонил по телефону Алле, и менял голос, и все делал для маскировки, она все равно его узнавала. Но это было уже потом, когда они перестали жить вместе.

Она его понимала. Она одна его понимала. Она понимала и то, что в нем есть, и то, чего в нем нет, и он у нее получался очень ценный человек, по-настоящему ценный человек, и она умела это сказать. Она понимала, почему он пьет: потому что хочет любить всех, потому что люди лучше становятся за столом, пусть не надолго, не окончательно, но на минуточку — лучше, открытее, любовнее друг к другу, заботливее. Потом уже, когда ум помрачается, хорошего, конечно, мало. Но он-то, он-то только эти первые минуты и любит, хорошие минуты, радостные... Это, конечно, анекдот — «Ты меня уважаешь? Я тебя уважаю...»,— но тут правда есть, минута правды. И она это понимала, хотя плакала и говорила...

Как хорошо она плакала, как хорошо говорила!

Да, и он ходил к своему академику и читал ему. И получал за это сто шестьдесят рублей — много больше, чем Алла. И очень уставал. Ему-то ни к чему было столько денег: в одиночку он не пил, а в компанию всегда пригласят, а джинсы Алла починит, если что, кожаную заплатку — и опять модно... Ел он мало, даже теща удивлялась — такой большой парень, а такая малоежка. Может, потому, что пить он тогда стал больше? В компании, только в компании...

Да, и он приносил деньги от своего академика, но Никодим Ефимович все равно был недоволен. Для его уважения надо было на настоящую работу идти или в самом деле в институт поступать. Школу-то он действительно закончил в первый год заочно и на аттестат зрелости сдал. Не без Алкиной помощи, конечно, она хорошо разбиралась в программе десятого класса, даже в вуз готовила по математике... Она бы и его подготовила, но в кинематографический не математика нужна, а нужно знакомство, а знакомств-то у него и нет.

Никто его не понимал так, как Алка. Даже сам он себя не так понимал до нее. Ему казалось, что он любит выпить потому, что он сам тут кажется себе главным и его все любят. А она поняла и тайное, его самое тайное, бессознательное: что он других любить хочет.

А потом и она устала. И он ее за это не может винить: слишком тяжело ей было с ним в своей семье. Конечно, если бы они жили отдельно...

Никодим Ефимович — вот кто был во всем виноват. Потому что мог он, мог им помочь. Когда представился тот случай с кооперативом, если бы он хотел сохранить их семью, только от него и требовалось: помочь материально. С отдачей, конечно. Они бы с Алкой выложились, но отдали. В три, в два года бы отдали. Неужели не мог он? Мог, мог ведь, но не захотел. Проповедь прочел про бескорыстие: «Мы сами были бескорыстные, и дети наши должны быть такие, вот так».

Как будто корысть только денежная бывает.

Что за странная это порода людей, которая все знает. Знает, что хорошо, что плохо, что кому нужно, что полезно, что вредно. А оборачивается это самым черным эгоизмом. О себе думал Никодим Ефимович, только о себе, а не о них с Алкой. Потому что они тогда были одно целое, а старик этого не хотел и делал вид, что не понимает.

Он это все ему и выложил. Не сразу, конечно. Тогда смолчал. Провалилось дело с кооперативом. Тогда он и от академика своего ушел. Лодька маленький был. Алла в отпуске за свой счет, они все на шее сидели у стариков. Он-то меньше всех, ему не много надо. Но все равно. И так шло это и шло, пока не случился тот скандал. Он и сам его не помнит, люди рассказывали... С милицией, соседи вызвали. Он якобы старика по всей квартире гонял. Может, и правда. И кричал ему старинное слово «филистер». Филистер!.. Из книжек, что он академику читал, это слово у него застряло. Вообще-то про себя он его называл чурка с глазами. И так и рисовал его: чурка, а на чурке глазки, маленькие-маленькие. Получалось похоже.

Вот тогда и разошлись они, хотя Алка еще не раз прибегала, и любили они друг друга тогда еще горше.

Потом стало откипать. И у него и у нее. Или так только кажется? Черт знает, какие штуки страсть с человеком иногда выкидывает. Даже равнодушием притворится: раз равнодушен — почему же не встретиться? И встречаешься. А встречаешься — и все по новой, упрашиваешь, винишься, колешься и все такое.

Что он ей говорил, что он говорил своей Алке тогда, и потом, и совсем недавно — даже стыдно вспоминать. Вот этим своим голосом, который сам любил слушать, как будто академику читал. Говорил стыдные слова, странные слова — и не стыдился, не удивлялся. Он говорил: но можно мне надеяться? Это ведь из какой-то прежней, чужой жизни слова или, может быть, не из жизни даже, а просто из книжек, писатели придумали, а люди никогда не говорили. И, как маленький, обещал: я больше не буду! И клялся: только еще в этот раз поверь — и я стану другой, вот увидишь, я стану, я буду... Что же, ты думаешь, у меня силы воли нет? Если я захочу...

И она верила. Много раз. И он начинал ей рассказывать о том, что он напишет, как будет писать, и какая жизнь у них будет, когда он поступит на сценарный — снимет комнату в Москве, она к нему переедет, потом и Лодьку заберут...

Бывало так: она уходила, и он, счастливый, умиротворенный, садился за старый свой, еще школьный, письменный стол и пытался записать то, что сейчас он ей рассказывал — свои выдумки вперемешку с тем, что было на самом деле, что он знал, что слышал от других... Иногда ему даже удавалось написать целую страницу. Он перечитывал эту страницу, и ему становилось так плохо, что только одно оставалось: бежать скорее от этой страницы, от письменного стола, от комнаты, где только что был праздник. Потому что слова были не те, и разговор не тот, и никак не доходило до бумаги то, что в нем было и в его рассказах было — ведь было же, если ей нравилось и ему нравилось, пока он рассказывал. Почему же все улетучивалось, возгонялось, высыхало, когда он это фиксировал? И он решал — завтра будет доводить эту страницу, нельзя продолжать, пока не доведено, главное — удар дать с самого начала, он доведет, у него зазвучит, он вызовет в себе то, что было, когда он был маленький... Ведь тогда бывало именно то самое — вдохновение. Главное — поймать эту штуку, чтобы не высыхало, пока фиксируешь, чтобы воздух оставался влажным, потому что без влаги нет жизни, жизнь из влаги, из моря вышла когда-то, и воздух творчества должен быть влажный, влажный... Он понял главное: как должно быть. Завтра, завтра...

И он уходил от этого своего стола, за который сядет завтра, потому что уже понял, и шел к Иванчихиным, к Тошке, к Кириллу, к Надьке-Кобре — да мало ли мест есть, куда может пойти человек? Если были деньги, он приносил бутылку, если не было, то там всегда скидывались, или приходил кто-нибудь другой с бутылкой, и потом добавляли... Потом он вызванивал Алку, и она тоже туда приходила. Ведь это были в основном ее знакомые, он пришел к ней почти одинокий... Почему-то он скорее доходил до восторга, чем другие, хотя пили все одинаково, наверное, потому, что меньше ел. И, в общем, бывало, что кончалось скандалом, потому что кончалось любование друг другом у всех, и шло что-то темное: как раньше все были вместе, так все становились отдельно, а он хотел вернуть прежнее, чтобы все вместе, чтобы любовались,— ведь такие, в общем, отличные ребята. И после скандалов Алка не приходила, конечно, и уж о том, чтобы переделывать страницу, речи не было... И так все шло.

Она просила его, чтобы он лег в больницу, лечился бы антабусом или гипнозом. Но он не хотел. Не потому, что боялся, что не проживет без восторгов этих,— хотя немного и боялся, но с этим он бы справился. Нет, он хотел сам, без медицины, без посторонних, иначе все равно толку не будет.

Ладно, сейчас все это позади. Сейчас Алка уходит, уходит, и, может быть, даже невольно, что всего страшнее.

Потому что когда по своей воле, то человек борется с собой, с природой своей, и пусть даже одерживает победы, но истина остается и всегда еще может вспыхнуть. А тут — он ей говорит, а чувствует, что ей уже неинтересно его слушать, и она только из вежливости делает вид, что ей тяжел их разговор. На самом деле ей не тяжело — ей скучно с ним.

Женщины любят удачливых. Они могут пожалеть, если ты несчастлив, могут взять на себя твою тяжесть, могут даже тащить ее вместо тебя — иные до самого конца. И возиться могут с тобой, если ты болен. И по голове гладить, пожалуйста. Но любят они удачливых, что бы там ни говорили. Потому что женщина должна снизу вверх смотреть, или чтобы все остальные, или хоть кто-нибудь снизу вверх смотрел; тогда она и сама себя больше уважает: вот, мол, какому человеку я нужна.

И Алка такая. Она и смотрела на него снизу вверх, пока могла. В буквальном и переносном смысле — снизу вверх. Потому что тогда она его понимала так, как он сам себя понимал, даже лучше. А теперь стала его понимать, как все.

Это понимание... Сколько на свете людей, столько и пониманий. Человека мерят делами его, справедливо ли это? А вот у Марка Твена в раю Шекспир — один из писателей просто, а величайший драматург всех времен и народов — какой-то портной или сапожник.

Понимание, понимание... Она теперь смот-

рит на него и видит то, что все видят, а раньше... Она говорит: раньше я видела свою мечту о тебе, свое воображение. Неправда! Вот раньше-то она его и видела по-настоящему, и какая разница, стал бы он, не стал бы писателем... Это уже все для других. Может, и стал бы, если бы они жили вдвоем или втроем, с Лодькой. А может, и нет. Ну и что? Он-то все равно ее видел как никто, и она от этого была счастлива. Он один видел, что она красавица, он движение ее мысли ловил и угадывал, потому что все это и есть любовь, а когда нет любви, то видишь то, что прохожие на улицах видят, то, что он в поле увидел. Сейчас он уже не может увидеть ее такой, как в первый раз тогда, утром, под Индигиркой... Не может, потому что не хочет, потому что знает — это все роба, рабочая роба, а под ней красавица: зачем же ему разглядывать робу, если он нашел красавицу? А она видит робу и думает, что это он.

Вероятно, если бы не было старика, все пошло бы иначе. Он мешает людям, вредный старик. Не только им с Аллой, с Лодькой. Он всем мешает. Жене своей испортил жизнь нудным своим, мелочным характером, на работе тоже...

У него главная идея: вы теперь всё хотите сразу! Что всё? Одного только они хотели сразу: жилья. Потому что оба понимали инстинктом: без этого не сохраниться им. А он отказал: всё хотите сразу. Ну, и вот результат.

Будем откровенны: пить-то он начал еще до того, как все решилось. Может, он этим и насторожил старика. Но нет, он все равно не дал бы денег, не расстался бы со своей драгоценностью.

Алка за старика заступалась. Она тогда говорила: они же нам не обязаны, в конце концов и так можно, все же у нас своя комната... Да, да, он знает, она права, они очень приличные люди, но эту самую психологическую несовместимость сейчас даже официально учитывают...

Вот так все идет. Он тоже идет, вернее, катится. Куда он катится? Да не все ли равно? Катится, закатывается. Закатиться бы сейчас куда-нибудь, хоть к Иванчихиным. Они славные ребята. Иванчихины летом возьмут его опять в поле, уже обещали. До лета уже всего ничего: осень кончается, зима мелькнет... Он опять пойдет в гастроном рабочим. Подними да брось. И всегда угостят, хороший человек Марья Николаевна угостит, хоть и живет с этим, с директором. Он ей както сказал: мне всех женщин жалко, а вас, Марья Николаевна, больше всех. Она подняла бровки, удивилась, потом, видно, что-то поняла по-своему. Красивая, милая женщина Марья Николаевна. Рассказывают, раньше она все просила мужа обратно в деревню уехать. Не нравилась ей работа ее, и люди не нравились. А потом, видно, привыкла. Ко всему привыкнуть можно, и все-таки — город, удобства. Наверное, и к директору привыкла, хоть и старик, внуков имеет. А муж пьет, в милицию попадает, с работы выгнали. Не раз он его видел по вечерам у гастронома: кричит, бушует... И приятелям хвалится: у меня жена — красавица. И правда, красавица, милое такое лицо...

Городские удобства. А ему они ни к чему. Только многолюдье городское ему нравится. Не умеет он быть один. Вот и весь комфорт его — чтобы было многолюдство. Люди теперь платят за уединение, за чистый воздух, за тишину и еще за скорость. А ему ничего этого не надо, только многолюдство, а за это в городе, слава богу, платить не надо. Если нельзя вдвоем быть, то всего лучше в толпе. Там можно и все получить: и одиночество и единение. Потому он и в колонии мог жить. Потому что — люди.

И сейчас он пойдет к людям, к Иванчихиным или еще куда-нибудь, а перед этим зайдет к Кириллу, давно не видел его, а Кирилл все-таки товарищ. Интересно, как он сам себя видит, Кирилл. А может, не оглядывается. Скорее всего не оглядывается, ему не это важно.

Он пойдет к Кириллу, не заходя домой пойдет, потому что домой неохота — мать. Он всех женщин жалеет, это правда, за одним исключением. Мать он не жалеет. Все ему это говорят, и она говорит, и это правда: нет у него к ней жалости, и ничего нет. А почему? Да не за что ее жалеть, всем она довольна. Только сыном не очень, да и то...

Продолжение следует.

Спектакль «Ревизор» на сцене Театра сатиры.

ЭНЕРГИЯ, РАДОСТЬ, ОСТРОУМИЕ

Московский театр сатиры... Лучшие его спектакли — это всегда праздник, потому что сатирическое начало утверждает себя здесь яркой зрелищностью, импровизационностью сценических решений, ясностью режиссерского замысла. А суть каждой из этих постановок — поединок между добром и злом. Поединок, в котором побеждает — не может не победить! — умное, смелое, находчивое добро.

Первого октября Московскому театру сатиры исполнилось 50 лет. Юбилейный сезон обещает быть на редкость интересным.

— В самое ближайшее время,— рассказывает директор театра заслуженный работник культуры РСФСР АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ЛЕВИНСКИЙ, **— мы покажем новую редакцию спектакля «Клоп» по пьесе Владимира Маяковского. «Клоп», поставленный в 1955 году В. Н. Плучеком и С. И. Юткевичем, прошел в нашем театре 752 раза. Однако вот уже три года пьеса не идет. И не потому, что устарела тема. Нет. Спектакль нуждается в обновлении с точки зрения театральной эстетики.**

Со времени первой постановки «Клопа» прошло около двадцати лет. Естественно, что главный режиссер театра Валентин Николаевич Плучек привлек новых исполнителей. Так, на роль Присыпкина приглашен Николай Пеньков из Ленинграда. Как нам кажется, исполнитель очень точно увидел своего героя и сумел рассказать о нем современным актерским языком. В первой редакции «Клопа» Г. П. Менглет великолепно сыграл Олега Баяна. Но сегодня нам видится иной Баян: в нем зритель должен узнать представителя той группы современной молодежи, для которой предел мечтаний — сверхмодные джинсы.... В роли такого Баяна нынешние зрители увидят Андрея Миронова.

В новой редакции сохранены принципиальные решения старой постановки, но средства выражения пересмотрены с позиций сегодняшнего дня. В частности, создателям спектакля необходимо было учесть, что время, которое рисует Маяковский во второй части пьесы,— это почти наши дни. Следовательно, надо показать его так, чтобы в нем угадывались и приметы современности. И постановщик решил вторую часть как телепередачу, за ходом которой следят не только люди, сидящие в зале, но и телезрители всего мира...

Готовим мы, конечно, и другие новые спектакли. Один из них — обозрение «Нам — пятьдесят», в котором мы рассказываем о пути нашего театра.

В работе находится и знаменитая пьеса русской классики «Горе от ума» Грибоедова. Режиссер — Валентин Николаевич Плучек. В роли Чацкого выступит Андрей Миронов, Фамусова репетирует Анатолий Папанов.

— Мы, зрители, привыкли к тому, что Театр сатиры — это энергия, радость, остроумие... Видимо, есть прямая связь между атмосферой на сцене и той, которая существует за кулисами?...

— Конечно. И это атмосфера дружбы и требовательности. Наши ведущие мастера не позволяют себе быть рассеянными, играть, что называется, «вполноги», скучать на репетициях. Понятно, что все это привлекает молодежь, а главное — воспитывает ее.

— Очевидно, специфика вашего театра требует от актера и такой подготовки, которую он не всегда получает в обычных театральных училищах?

— Как правило, к нам приходят выпускники школы-студии МХАТ и училища имени Щукина. Они быстро входят в коллектив Театра сатиры и не испытывают непреодолимых профессиональных затруднений. У нас нет особых претензий к их подготовке. Но спору нет, хотелось бы, чтобы, скажем, какая-нибудь группа студентов ГИТИСа проходила «театральные науки» в нашем театре, под руководством наших мастеров. Чтобы с самого начала молодой актер обретал вкус к острым гротесковым образам, больше работал над развитием музыкальности, пластичности, над техникой танца и сценического движения.

— Каждому театру необходим еще и свой драматург...

— В недалеком прошлом таким драматургом Театра сатиры был В. Шкваркин. Сейчас с нами плодотворно работает Андрей Макаенок, чьи пьесы «Затюканный апостол» и «Таблетка под язык» хорошо приняты зрителем. В ближайшие месяцы Макаенок обещал познакомить нас со своей новой пьесой.

После большого перерыва возобновились наши контакты и с Сергеем Михалковым; спектакль «Памятник себе» по его пьесе мы ставили в конце пятидесятых годов. Сегодня в репертуаре Театра сатиры новая пьеса Михалкова «Пощечина». Надеемся, что в будущем Сергей Владимирович напишет пьесу специально для нас.

— Любой театр — это не только актеры, режиссеры и драматург...

— Разумеется. Это большой коллектив, в котором заняты люди десятков профессий. Наши работники любят свой театр, и эта любовь — на всю жизнь. Недаром 54 человека трудятся здесь более 20 лет, а заведующий постановочной частью, заслуженный работник культуры РСФСР Николай Михайлович Кашинцев пришел в театр более пятидесяти лет назад, за три недели до официального открытия.

И, конечно, каждый театр — это еще и зритель. Мы стремимся, чтобы искусство Театра сатиры находило отклик у самой широкой аудитории. Но среди зрительской массы выделяются особенно требовательные и внимательные ценители, они постоянно ходят в наш театр, принимают близко к сердцу все наши успехи и неудачи. Одобрение и поддержка таких зрителей нам особенно дороги. Мы хотим, чтобы они не разочаровывались в нашем театре. А для этого, как мы считаем, наша сатира должна быть гневной, но не злобной, яркой театральной, действенной и точной. И еще. Мы хотим, чтобы, пробуждая гражданские чувства, она вызывала бы в людях одновременно и улыбку и сострадание, ибо в этом мы видим одну из самых животворных традиций русского и советского искусства.

Интервью провел А. БАТАШЕВ.

ТОВАРИЩ МОСКВА И ТОВАРИЩ БЕРЛИН

ПЕСНЯ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ДРУЖБЫ

Стихи Сергея БЕНКЕ.

Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА.

Мой старый друг, немецкий коммунист,
Мы крепко дружим с давних лет с тобой.
Ты мне помог, боец-антифашист,
Когда был под Мадридом жаркий бой.

Припев:

С нами Ленин, Маркс и Энгельс.
Путь у нас один,—
Товарищ Москва и товарищ Берлин,
Путь у нас один!

Мой старый друг, в суровый, грозный год,
Когда на нас обрушилась война,
С тобой к Победе вместе шли вперед
И знали мы, что цель у нас одна.

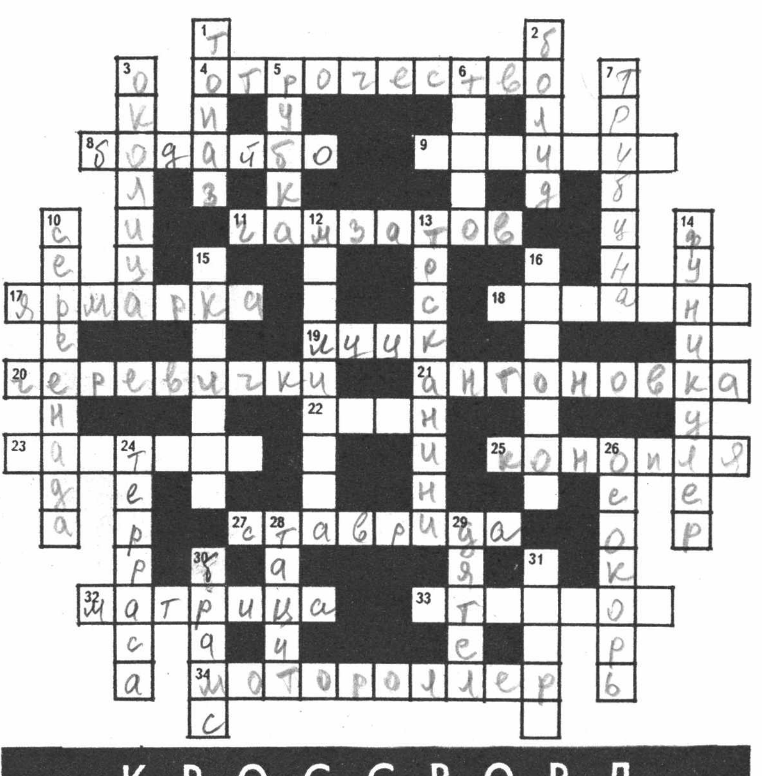
Припев.

Мой старый друг, идем мы сквозь года,
Всю жизнь заветам Ленина верны,
И наш союз и дружба — навсегда.
Единством пролетарским мы сильны!

Припев:

С нами Ленин, Маркс и Энгельс.
Путь у нас один,—
Товарищ Москва и товарищ Берлин,
Путь у нас один!

Сердечно благодарим посольство ГДР в СССР, отдел печати Министерства иностранных дел ГДР, редакцию журнала «Фрайе вельт», а также всех товарищей, которые принимали участие в подготовке этого номера.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Повесть Л. Н. Толстого. 8. Город в Иркутской области. 9. Металл. 11. Народный поэт Дагестана. 17. Ежегодный торг. 18. Роман Э. Золя. 19. Областной центр на Украине. 20. Опера П. И. Чайковского. 21. Сорт яблок. 22. Минеральная хромовая краска. 23. Жанр изобразительного искусства. 25. Волокнистое и масличное растение. 27. Промысловая рыба. 32. Форма для отливки типографского набора. 33. Русский землепроходец. 34. Разновидность мотоцикла.

По вертикали:

1. Драгоценный камень. 2. Большой метеор. 3. Окраина села. 5. Надстройка на палубе судна. 6. Столица государства в Азии. 7. Возвышение для выступления оратора. 10. Песня венецианских лодочников. 12. Курорт в Туркмении. 13. Итальянский дирижер. 14. Железная дорога с канатной тягой. 15. Землеройно-транспортная машина. 16. Подъем воды в реке. 24. Пристройка к зданию. 26. Черный тополь. 28. Римский историк. 29. Лесная птица. 30 Немецкий композитор XIX века. 31. Действующее лицо пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 6. «Огородник». 8. Казаков. 9. Стартер. 11. Гадулка. 12. Манул. 15. Синяя. 18. Каретка. 21. Риторика. 22. Бетатрон. 23. Картули. 24. Маска. 26. Бажан. 28. Абрикос. 31. Конфета. 33. Селигер. 35. Костяника.

По вертикали: 1. Роза. 2. «Ворона». 3. Снеток. 4. Икар. 5. Платан. 7. Оберон. 10. Буревестник. 13. Арктика. 14. Ударник. 16. «Иоланта». 17. Ящерица. 19. Акаба. 20. Кабул. 25. Савона. 27. «Жизель». 29. Батист. 30. Оленин. 32. Фуко. 34. Иман.

На первой странице обложки: Из «окошка» защитного костюма на вас смотрит Кристиан Крутенат, горновой доменного цеха Металлургического комбината в Эйзенхюттенштадте.

Больших свершений вам, юные граждане республики!

На четвертой странице обложки: В древнем портовом городе Ростоке.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

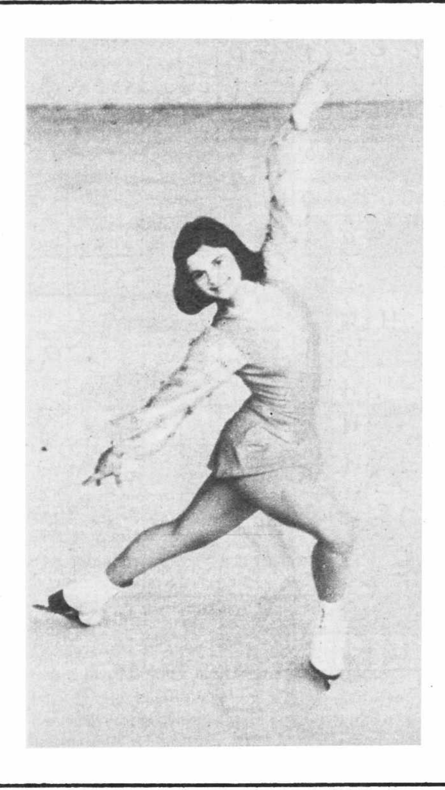
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/IX — 74 г. А 00639. Подп. к печ. 1/X — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2452. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2775.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КРИСТИНА ЭРРАТ

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Фото Х. ШТРАУСА.

По пути на стадион Хельфрид остановил машину у цветочного магазина на Грайсвалленштрассе и через минуту вернулся с удивительно красивым букетом.

— Я сказал, что мы едем к Кристине Эррат, и мне дали эти цветы. Подобные букеты — редкость, они точно такие же, как делались в Берлине сто лет назад!

Мой коллега берлинский фоторепортер уже снимал многих знаменитостей, но цветы на съемку он захватил впервые.

— Так это же для нашей Кристины! — сказал он, считая, что этим сказано все. И этим действительно сказано главное: шестнадцатилетняя чемпионка мира по фигурному катанию — любимица ГДР. Эта страна, занимая по своим размерам 54-е место в мире, а по численности населения — 96-е, в спорте держит за собой место в передовой шестерке! О «спортивном чуде ГДР» написано немало. Нас интересовало, что думает об этом берлинская школьница Кристина Эррат.

...Вот и она! Круглолицая девочка в алом костюме лихо кружится в середине катка. С расспросами придется, видимо, подождать. Усаживаемся неподалеку от тренера Кристины. Инга Вишневская встречает нарядный букет неодобрительным взглядом педагога. Мы отвечаем смущенной улыбкой учеников, которая в данном случае означает: «Ничего не поделаешь!» Зато Кристина, увидев цветы, засияла: «Красота-то какая!»

— Ты любишь цветы?

— Очень! Особенно красные розы.

— А что любишь еще?

— Веселые фильмы и книги. Веселых людей.

— Как изменилась твоя жизнь после победы в Мюнхене?

— Жить стало гораздо труднее! Все смотрят на тебя, ждут и надеются, что ты не подведешь. Вот и приходится теперь еще больше, серьезнее тренироваться и чаще отказываться от любимых развлечений, встреч с друзьями.

— Кого ты называешь настоящим человеком?

— Того, кто помогает попавшему в беду. Того, кто всегда говорит правду, кто знает, чего он хочет добиться, и умеет бороться за свою мечту.

— Мешает ли слава дружбе?

— Нет, не мешает. Ведь я такая же, как и была. Просто не все об этом знают...

Привычным жестом Кристина лентой туго стягивает волосы и озабоченно смотрит на часы.

— Извините, но у меня теперь по расписанию занятия балетом. Хотите взглянуть? Это совсем рядом, приходите!

Мы пришли в просторный зал с зеркалами. За роялем сидела пожилая женщина, у ног которой лежал огромный лохматый пес по кличке «Борис». А хозяйничала тут грациозная девушка в темном трико.

— Гран-пассе надо делать медленнее и с большей силой. Вот так... Марио, встань-ка за мной и повторяй!

Подростки — две девочки и двое мальчиков — не спускают глаз со своей строгой учительницы. Да ведь это же Кристина! Вот уж не ожидали мы увидеть ее в такой роли! А она как ни в чем не бывало встала к балетному станку и вместе с ребятами повторяла одно и то же движение десятки раз, пока не убеждалась сама — получается!

Час спустя Кристина вышла из раздевалки.

— Вот и я! Сегодня не пришел наш преподаватель балета, и мне пришлось взять на себя его обязанности.

— Можно было пропустить это занятие, ты ведь очень устала?

— Ни в коем случае! Балетный станок для меня так же важен, как и тренировки на льду.

— Это был обыкновенный день твоей жизни? Расскажи, как он прошел.

— Как обычно. Встала в шесть утра. С половины седьмого до двенадцати занималась в школе. С часа до шести — тренировки на стадионе.

— И так каждый день?

— Конечно! — по-русски отвечает Кристина, и я спрашиваю, какая у нее отметка по русскому.

— Единица! Только не надо путать: у вас это самая плохая отметка, а у нас наоборот. Но по-русски мне еще говорить трудно. С Ириной Родниной и Сергеем Четверухиным мы говорили по-немецки. Не знаю, какие они получали отметки, но мой родной язык они знают лучше, чем я — русский...

— Через два года будет сразу два важных события в твоей жизни — аттестат зрелости и Олимпиада в Инсбруке. Как ты готовишься к ним?

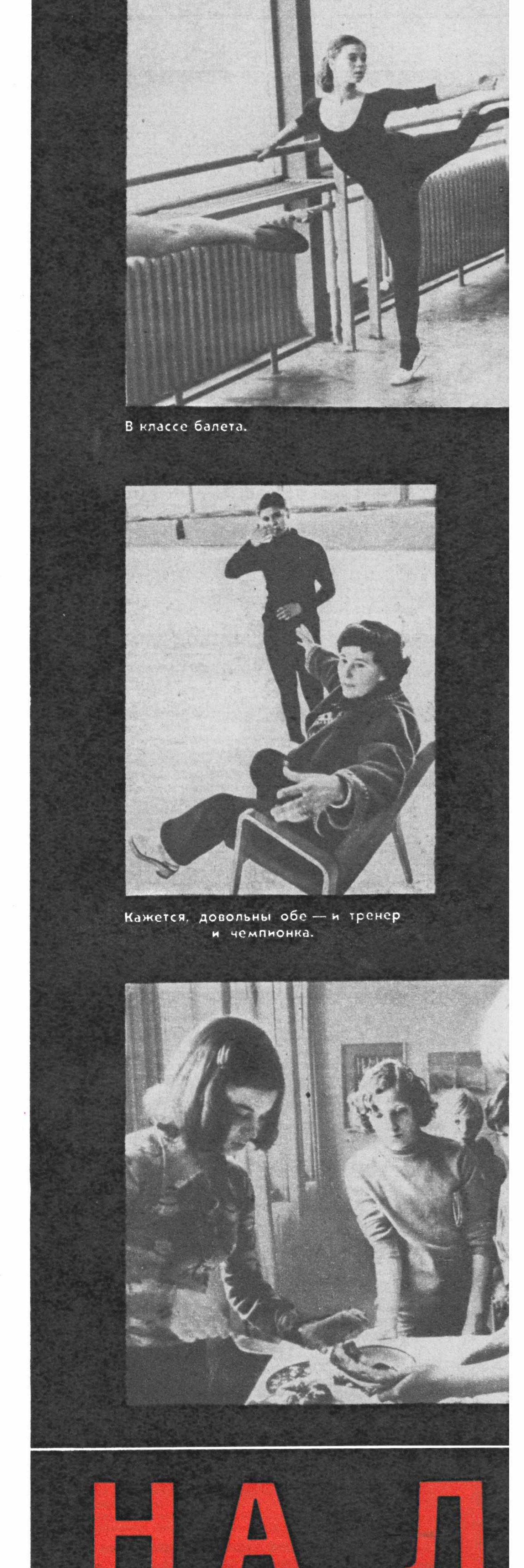
— Ну, как поступить с аттестатом зрелости, я уже, кажется, знаю — хочу стать журналистом и писать о спорте. Что же касается Олимпиады, я собираюсь взять золото, хотя знаю, что это будет очень трудно.

— Кто твой самый опасный соперник?

— Американка Дороти Хэмилл.

— А что ты скажешь о «спортивном чуде ГДР»?

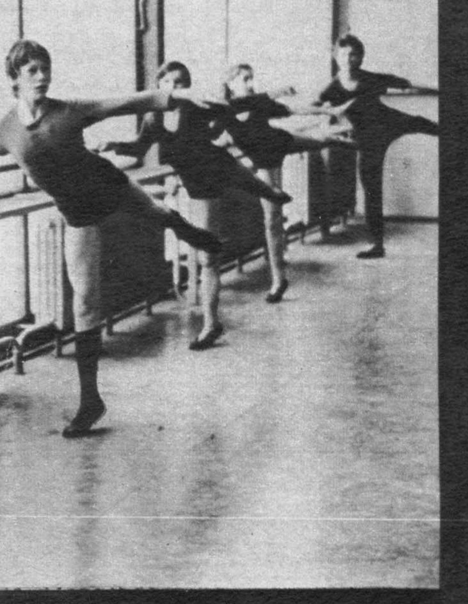
— Чудес в спорте, по-моему, не бывает! Когда я победила, ко мне подошел один из западных журналистов и спросил, как я добилась «такого чуда». Я ответила: какое же это «чудо»? В пять лет я пришла на стадион, и все эти годы так много людей помогали мне добиться успеха, что всех я не смогу назвать. Конечно, прежде всего это мои родители, тренеры, друзья, ребята из нашей школы, из Союза свободной немецкой молодежи, — словом, вся наша республика!

В классе балета.

Кажется, довольны обе — и тренер и чемпионка.

НА Л

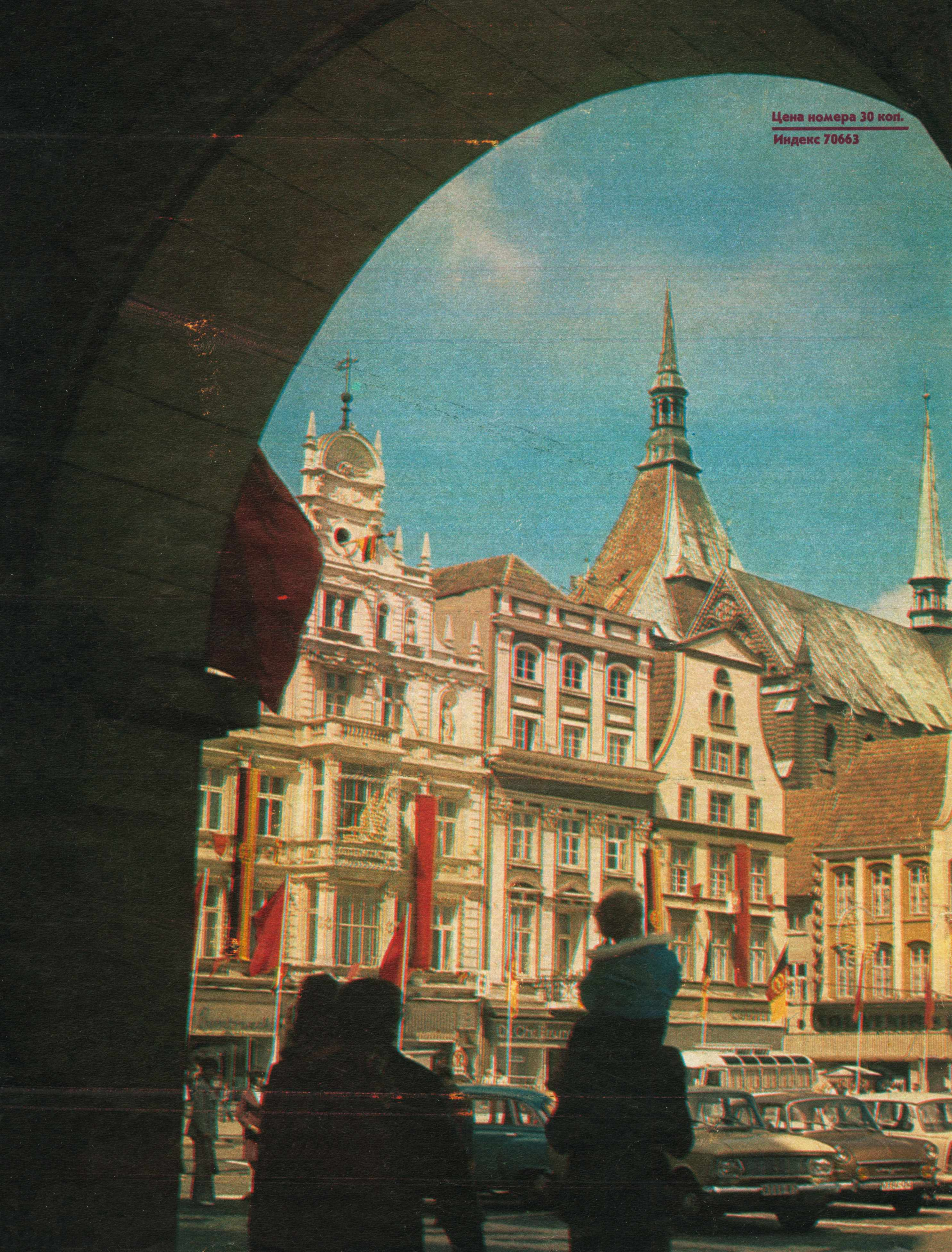
В шесть утра, как всегда, в школу.

Это была идея Кристины устроить в школе на переменке продажу домашних сладостей. А деньги — в фонд солидарности с патриотами Чили!

Автографы чемпионов мира.

ЬДУ И ДОМА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663